

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПОСЫЛ	359
ИСТОКИ	360
УКАЗАТЕЛИ ПАМЯТИ.....	360
Геном.....	361
Культура.....	363
Сознание	365
Духовное.....	365
ИНДИВИДУАЛЬНОЕ.....	367
УЗЫ ВЗАИМНОСТИ.....	371
ОБЩЕСТВЕННОЕ.....	374
Руководство.....	375
Насилие и право.....	377
Компетентность.....	379
Ответственность.....	379
Советы.....	380
Легитимность.....	381
Творчество.....	383
ДУХОВНОЕ.....	383
Эго.....	384
Сообщества.....	386
Сексуальность.....	388
Восхождение разума.....	389
КАЖУЩЕЕСЯ.....	396
Война	
дворцам.....	398
ДЕМОКРАТИЯ.....	400
Кибернетика демократии.....	401
Дедемократизация.....	402
Фашизм.....	406
Мандаты.....	413
Отчётность.....	416
Свобода слова.....	420
Балаганище.....	421
ТРИУМФ ДУХА.....	423
Поехали.....	426
ОСНОВНОЙ ЗАКОН.....	429
ЦЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....	431
ЛЮДИ БУДУЩЕГО.....	436
ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	438
Звезда пленительного счастья.....	439

Всё цитированное выражено *курсивом*,
если упоминание авторов не важно и легко
определяемо любой поисковой машиной

ВСЕЛЕННАЯ И МЫ

Книга третья:
ПОСЫЛ

Alexander Swidsinski

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПОСЫЛ

Настало время для основания нового общественного движения — Движения жизни. Жить просто так, человечеству уже больше нельзя, да и не выйдет. Человеку важно найти себя, определиться, кто он. Не в виду разрозненности. Взаимопроникновение — основа жизни. Дело так же не в том, что не хватает партий и хартий, ратующих за жизнь человека. Наоборот, все современные общественные течения непрерывно бахвалятся приверженностью жизненным интересам. А вот стремления осознано озвучить и разобраться что к чему, не прослеживается. Словами «жизнь», «человек», как ранее «Бог» или «Творец», часто прикрывают призрачность содержания.

Нас не интересуют ни броские лозунги, ни предписания якобы «лучшей, справедливой или даже иной жизни», которым должно следовать всем остальным. Наоборот. Мы ищем: очищение смысла жизни от ханжества, вывод стремлений из лабиринта сиюминутной выгоды, преодоление слепых биологических устремлений и культурных предрассудков. Современности свойственна непримиримая схватка враждующих групп, партий и организаций. Наше движение не собирается конкурировать или даже отмежевываться ни от кого. Мы, наоборот, ищем сотрудничества со всеми и во всех областях, где интересы совпадают и направлены на совершенствование жизни. А эту задачу можно решать только совместными усилиями.

Данная книга в сжатой форме характеризует движение жизни и имеет три раздела:

- I ИСТОКИ
- II ОСНОВОЙ ЗАКОН
- III ЦЕЛИ

ИСТОКИ

Жизнь — это борьба органического возрождения с разрушением. Бушующий океан энергии физического мира сметает всё, что встаёт на его пути. Только жизнь избегает крушения, уворачиваясь, обновляясь и всё более удаляясь от неизбежности смерти.

Как бы жизнь ни старалась, за любым поворотом подстерегает опасность неизведанного. Жизнь минимизирует риски, дублирует достигнутое и предоставляет наследникам ранее накопленный опыт. Множась и повторяя штурм обновления, жизнь сглаживает отдельные неудачи. Потомки, хоть и вынуждены начинать жизненный цикл сначала, но идут уже по проторенному пути, пользуясь заделами их родителей и получают возможность вырваться дальше.

Многие ограничиваются накопленным, другие, сталкиваясь с неожиданным, ищут неординарные подходы. Самодовольные ломаются на преградах, неутомимые переваливают через заслоны и добавляют найденные решения к сокровищнице изведанного. Индивидуальная жизнь складывается из рождения, созревания в поступи наследия, бесчисленных столкновений с неизведанным, маленьких и больших побед, воплощения в свершениях, а также потерь, истощения, неудач и поражений.

УКАЗАТЕЛИ ПАМЯТИ

Если бы жизнь тащила с собой все блага достигнутого, она бы не продвинулась далеко. Снежный ком полезного уже после нескольких шагов стал бы неподъёмным и несдвигаемым. Но к чему брать с собой камни, разбросанные везде? Вполне достаточно описания,

как из камня изготовить скребок, жернов, а то и дом. Опыт не обременяет. Жизнь расстаётся с пока не нужным в уверенности воссоздать его по необходимости и спешит налегке дальше.

Наиболее важными кладями памяти на сегодня являются:

геном (инструкции для индивидуального развития тела, закреплённые в последовательности нуклеотидов),

культура (социальные, профессиональные и политические инструменты, традиции, здания, улицы, атмосфера сотворённые человечеством),

сознание (в общепонятных символах изложенные человеческие мысли) и

духовное (совокупность всего жизненного опыта, записанного или отраженного в чём-то).

Геном

Эволюция жизни — это усовершенствование её возможностей. Приобретаемые навыки расширяют достигаемое и способствуют распространению жизни. Для наследования навыки плохо пригодны, поскольку охватывают только уже развёрнутое и используемое. Неудачное и где-то отложенное может при этом утратиться.

Первыми совершенными носителями наследственного опыта стали гены и их библиотеки или геном. Геном обобщает содержание предшествовавшей эволюции вида и удваивается перед наследованием. Удвоение происходит независимо от непосредственного использования. Организм растёт, приспосабливается к противодействующим обстоятельствам, подгоняя свои структуры и гены непосредственным вызовам. Новое наслаивается на былое и усовершенствуется, не только исходя из насущных задач, но и включая всё ранее достигнутое и закреплённое в генетической памяти. Как инструменты, так и гены, ответственные за успешные изменения, множатся при размножении и вытесняют менее удачные решения.

Первоначальная передача генетического опыта происходила на своё прямое потомство, (отсюда и название линейное, т.е. напрямую от одного наследника к другому). Опыт был поэтому эгоцентричным и недоступным всем ответвлениям. Всё, что не было собственным, мешало и пресекалось. Заповедь: «каждый каждому враг» была при этом верховным законом. Родственники не исключение. Вне эгоизма линейное накопление опыта было невозможным. Перенос генов вирусами и плазмидами правда возможен, но он случайный и непреднамеренный, а потому не может приравниваться к наследованию.

Половое размножение преодолело узость индивидуального, не нарушая его своеобразия. Каждый сексуальный организм живёт соразмерно своим задаткам, а вот при размножении, в детях скрещиваются гены родителей, позволяя потомству использовать самобытные преимущества их мам и пап. Сексуальное размножение служит таким образом не приумножению своих ограниченных навыков, а взаимообогащению опытом (партнёра), к которому у индивидуума доступа нет и быть не может. Нельзя находиться в одно и то же время в разных местах и условиях. При этом важно не само различие (ноги и плавники), а именно взаимное дополнение (например — ноги и копыта). Родители сексуальных видов могут во многом не совпадать и даже быть в чём-то противниками. Общим для них должен быть успех предыдущего жизнеутверждения, ведущий их друг к другу. Сексуальное порождение превращается таким образом из размножения предыдущего в созидание нового, небывалого.

Сексуальность не только преодолевает ограниченность индивидуального опыта, но и связывает сексуальный вид в родовую общность. Все представители рода участвуют прямым (зачатие) или опосредованным путём (поиск и выбор партнёра, условия становления выводка) в созидании будущих поколений. В природе, как и в сказках, всё: девицы, бабариха, дьяк, ткачиха и прочие стороны определяют исход событий, а не только царь Салтан и лебедь.

Превосходящие навыки и свойства отдельных индивидуумов начинают целенаправленно передвигаться и переплетаться внутри

вида (хотя пока только попарно). Процесс накопления и усовершенствования опыта неимоверно ускоряется по сравнению с линейным размножением генов.

Совокупление преимуществ (достигнутых их родителями в разных средах обитания) позволяет потомству расширить кругозор возможностей, а потому выстоять и процветать там, куда родителям доступа не было. Распространение в ранее недоступных жизненных пространствах, делает борьбу друг с другом всё менее актуальной. А вот взаимодействие с окружающим жизненным пространством и его переустройство под себя — всё более важными. Восхождение культуры становится вопросом времени.

Культура

Половое оплодотворение геномов связало партнёров и расширило базу накопления опыта на всех представителей вида, но не далее. Обмен навыками без обмена генов (т.е. сексуального наследования) был невозможным. Жизнь обошла и эту преграду.

Любая жизнедеятельность постепенно меняет климат, состав атмосферы, воды и почвы окружающей среды, да и всей планеты. Эти необратимые изменения обуславливают последующие шаги эволюции.

Культура действует схоже, но целенаправленно и предвосхищая будущее. Она намеренно и рукотворно созидает условия человеческого развития, значительно ускоряя прогресс. Уже не отдельный половозрелый человек, а общность, окружённая засеками, защитными стенами, возделанными полями, дорогами и каналами составляет субъект развития и накопления опыта. Культура хранит свои содержания в ритуалах, традициях и зримых монументах свершений. Совместные действия разных поколений наглядно показывают подрастающим, где, каким образом и что они должны делать, чтобы достичь успеха. В этих условиях цивилизация и социальные скрепы, а не гены, определяют наследуемую память.

Культура выборочно выдвигает тех, кто ей больше содействует, определяя будущие гены социума.

Без терний, как всегда, не обходится. Механизмы преемственности противопоставляют культуру всему отличающемуся и приводят к противоборству. Это противоборство неизбежно. Иначе предписания культуры, на которых она зиждется, станут необязательными для её участников и потеряют связующий и наставляющий смысл. Непримируемость другому обуславливает как силу, даруемую консолидацией культуры вокруг устоев, так и слабость культуры, чурающейся привнесённых новаций. Культура, как и простое генное размножение, может расти и развиваться, только подминая под себя или выдавливая всё чужеродное из обозримого жизненного пространства. Скрещивание и зачатие нового происходит внутри культур в результате порабощения и войн.

Культура подняла человеческие возможности на недостижимый для биологических видов уровень, однако доказала свою неспособность к разумному взаимопроникновению. Сегодня невозможно себе представить просвещённого человека, отвергающего Библию, Коран, Конфуция, Сократа, Омар Хайяма, Сервантеса, Бэкера, Эммерсона, Ницше, Достоевского, Бергсона только из несовпадения их и его собственной культурной идентичности. А ведь ещё недавно, да и сейчас кое-где, дело обстояло именно так. *Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись.* — Слова, увы, не потерявшие злободневность.

Мнимое превосходство «собственной» культуры — яд для духовного. Что бы ни произошло, слово «атом» останется греческим, «алхимия» — арабским, «спутник» — русским, «чип» — американским. Что с того, что кто-то их ввёл в обиход? Эти понятия рождены человечеством и принадлежат всем. Свободен тот, кто может с чистой совестью сказать — «Я уроженец голубой планеты или просто Землянин». Национальность, профессия, возраст и пол — интересные, добавляющие красок детали, но, по сути, всего лишь довески. Только сознание и духовность открывает доступ в круг всеобъемлющего.

Сознание

Генетический язык одного вида непонятен другому, а его содержание вне генов не переносимо. Развитие ограничено механизмом наследования на своё потомство.

Культура позволяет расширить базу наследуемого одновременно на всех её участников. Вовлечение принципиально возможно независимо от пола, зрелости, возраста, занятия и даже места проживания, хоть и выпадает в разных культурах по-разному.

Сознание делает следующий шаг. Оно кодирует и передаёт смысл не в приказах генов, не в совместных деяниях культуры, а в универсальном языке возможного и делает его этим доступным любому, кто понимает языковой код.

Почему сознание, почему не мысль, не разум, не идея?

Потому что СО-ЗНАНИЕ, в отличие от всего названного — это именно «СО (совместное) -ЗНАНИЕ», т.е. знание, заключенное не где-то в генах или извилинах и синапсах мозга, а созданное, выраженное в общедоступной форме и выложенное на обозрение и дальнейшее развитие всеми.

Думают все животные. Некоторые, в определённых областях, делают это даже лучше человека. Общение знаками между собой присуще тоже всему живому. А вот сознанием обладает только человек. Только он выражает свои сокровенные мысли в предназначенном для общения языке и не приемлет иное.

Духовное

Животное мышление оперирует собственным опытом. К чужому опыту доступа у биологического мышления нет.

Какими бы развитыми не оказались мозг и способности животного, оно вынуждено ограничиваться пережитым (или унаследованным). Для сознания таких ограничений нет.

Сознание — это мышление, оперирующее духовным, т.е. не собственно отведенным, а пережитым и созданным человечеством.

Как сознание записано, не так уж и важно. Шумерский язык переводится на аккадский, древнеегипетский, греческий, римский языки — на язык компьютерных битов, а посему и на ещё неизвестный межгалактический. Универсальность перевода позволяет сознанию проникнуть в жизнь даже противоборствующих культур. На чём опыт был первоначально записан (и был ли он вообще преднамеренно записан) становится неважным. Археология показала, что язык свершений не менее красноречив языка эпосов, а во много даже точнее преданий.

Молекулярные структуры, гены, следы деятельности и даже отбросы и испражнения оказываются доступными расшифровке. Не потому, что они что-то прекрасно выражают, а потому, что они помогают духовному максимально проникнуть в реальность. Смысл дарует духовную пищу тем, кто готов её отведать. Усвоение духовного превращает каждого в росток и семя, впитывающее, несущее и созидающее содержание в объёме, который он способен переварить. Общность становится хранилищем и гарантом всей совокупности изведенного. Духовное живо, пока жив (или способен подняться до понимания) хоть один единственный, умеющий его расшифровать разум. Ранее такие важные: происхождение, клановая, социальная, культурная и гендерная принадлежность — блекнут.

Путь от эгоистических генов до культуры и одухотворённости был длинным, полным виражей и препятствий. Процесс не закончен, а если по-честному, то находится ещё в самом начале. Духовное даруемо, но (в отличии от культуры, морали и законов) к нему нельзя принудить.

Чтобы его понять, каждый вынужден самостоятельно переварить многообразие индивидуальных починов, предпринятых до него, и найти между ними общее, важное, вечное. Умение отделить зёрна от плевел не навяжешь, для этого нужно созреть, самостоятельно дерзая и думая. Люди смертны. Дети вынуждены

каждый раз начинать изнова. А потому в начале пути каждый раз оказываются гены, вождения, сексуальность, культура.

Все они твердой рукой направляют отроков от одной ступени к следующей.

Повторение облегчает тернии созревания, но и отбрасывает каждый раз к истокам. А потому, как индивидуальное, так и общественное вынуждены снова и снова воссоздавать, а не просто продолжать уже достигнутое.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ

Становление «Я» начинается с соблюдения созревающих и последовательно проявляющихся позывов растущего тела. Привходящие побуждения ещё не знакомы подрастающему. О их значении он по неопытности не может судить, а их требования противоречат его предыдущему, хоть и ограниченному, но уже собственноручно проверенному жизненному опыту. Взрослеющий не встречался с такими ситуациями ранее и вынужден при этом делать что-то необычное, не понимая к чему. И в самом деле, ведь он и раньше жил, и не плохо справлялся с повседневностью, пользуясь совершенно иным. Откуда ему знать, что несёт это новое и несёт ли оно кроме проблем что-либо ещё? Тут уговоры и размышления бесполезны. Внимающий не понимает, что к чему и о чём.

Телесность, культура или общественность навязывают новичку испытание для него неизведенного, но исторически оправданного опыта. Инстинкт, ритуал, общественное мнение, закон давят на новичка, сметая все сомнения и страхи. Послушание поощряется, а непокорность наказывается.

Чем первозданнее и непровержимее опыт, прививаемый новичку, тем однозначнее предписания и строже наказания нерадивости.

Это связано с достигаемыми на каждом уровне возможностями. Ранее шаг влево или вправо от правильного пути карался смертью

или по крайней мере серьёзнейшими осложнениями, поэтому и теперь отклонения от посылов былых предначертаний воспринимаются экзистенциально и жёстко окрикиваются.

Ценность наказов растёт с последовательным переходом от генетических к поведенческим инстинктам, далее культурным, моральным и наконец духовным предписаниям. А вот строгость и жесткость падают в обратном порядке.

С каждой достигнутой ступенькой развития совершенство растёт, а вероятность оступиться падает. Ширится свобода выбора. Ритуал, а тем более инстинкт, беспелляционно противятся нововведениям. Сознание не только допускает, но и поощряет обсуждения и видоизменения своих рекомендаций.

Для биологического (**животного**) созревания достаточно роста в соответствии с приказами генов и позывов тела. При этом сами по себе формируются органы движения, ощущения, восприятия и мозг с мышлением. Всё это детально отточено в предыдущей эволюции и происходит автоматически. Телу всего то и нужно, что преследовать радости и избегать неприятного — остальное приложится.

Для **культурного** развития важно следование её наставлениям: делай так как все, а не как тебе подсказывает телесность. Будешь паничкой — получишь конфетку (аплодисменты, признание, титулы, богатство, власть), нашалишь — то могут и отшлёпать (отругать, бросить в тюрьму, казнить). Чем выше уровень культуры и благороднее биологический материал, с которым она работает, тем величественнее результат. Для созревания до бравого, выдающегося, а то и великого **гражданина** достаточно соблюдение общественных законов и религиозных и моральных предписаний.

Для **очеловечивания** необходимо осознанное усвоение духовного и приобщение к совокупному опыту всего живого. Последнее не так просто, как кажется. Знание языка и соблюдение общественных норм не одно и то же, что и осознание с очеловечиванием и одухотворением. Даже собака понимает язык и следует должному. Язык и должное выучиваются, следуя грамматике и правилам. Для осознания, необходимо **постижение** духовного.

В то время как языковые и культурные правила чётко обозначены особенностями существования этноса, духовное не определено. У него нет ни временных, ни географических, ни государственных границ. Духовное безгранично.

В своём первозданном состоянии деятельность человеческая состоит из бесчисленных индивидуальных порывов в неизведанное и описания их результатов. Всё это (пока свалено в кучу) не представляет большой ценности, не связано, противоречиво и попросту необозримо. Перед тем как тарабарщина может принести пользу, её необходимо разобрать, оценить, обобщить и перевоплотить в ясные образы мироздания. Эта задача обобщения вменяется культуре, сознанию и **одухотворению**.

У культуры нет своей головы. Её оценки происходят задним числом и исходят из того к каким последствиям привело то или иное содержание в истории (подъём и упадок отдельных культур), т. е. соответствуют слепому приговору истории. Такой подход, несомненно, действенная, но довольно длительная и очень болезненная процедура.

Одухотворение происходит в отдельных головах с использованием достигнутого другими. Для развития духовного не страшны ни свои, ни чужие ошибки, а важны открытость, взаимосвязь с общностью и критичность оценок.

Результаты осознания зависят с одной стороны от индивидуальных интеллектуальных способностей, а с другой, от качества чужих разработок. Эти разработки всегда предварительны, а потому неизбежно представлены запутанным клубком противоречивых, несовершенных и недоведённых до логического конца попыток, разобраться с имеющимся.

Духовное созревание заключается в кропотливом разматывании намоток чужого опыта и устранении разрывов и прочно затянутых узлов прежних мыслесплетений. Критика чистого разума и необременённого противоречиями разноголосия, неизбежная предпосылка просветления. Думать нельзя иначе чем самостоятельно, при этом беззастенчиво пользуясь совместным и делая его

своим. Духовность — это всегда свободомыслие при свободе доступа и воспользования чужим.

Гены, религия, культура, законы говорят — делай как тебе сказано, а не иначе. Духовное предлагает множество альтернатив. Какая из них стоящая, должен разобраться каждый сам. Ссылки на кого бы то ни было, наставления, приказы, правила не в помощь духовному, достигшему порога неизведанного. Единственным надёжным критерием являются правда, ясность взгляда и обретаемая свобода.

Уровень индивидуального развития определяется долей животного, культурного, гражданского, свободолобивого и духовного — достигнутого и сосредоточенного в каждом отдельном человеке. При (ещё) недоразвитом духовном, главенствуют культура и гражданственность, а без них животность. С приобретением собственного опыта, предыдущее блекнет и отступает за ненадобностью на задний план. Зрелый человек уже может самостоятельно и без мелочных наставлений оценить значение происходящего и как на него реагировать. На первых порах же, школа жизни наглядно показывает ученику преимущество до него изведанного перед собственными шатаниями, и приучает слепо полагаться на до сих пор безупречных наставников: свои гены, инстинкты, традиции, законы, общественное мнение.

Это упрощение ему дорого обходится позже. При переходе от ученичества к самостоятельности, слепое, хоть и совершенное послушничество оборачивается разочарованием и болезненной потерей иллюзий. Иначе быть не может. Учение ограничено отработанными примерами, исход которых предсказуем. Неминуемый успех старательно исполненных упражнений не соответствует реальному положению дел. Разнообразие жизни безгранично. Стереотипность былого редко достигает ожидаемого в будущем.

Взросление — это переход в неизведанное, для которого предыдущее всего лишь пример, а не гарант возможного. Чем далее выдвигание, тем важнее становится собственное понимание.

Унаследованное не теряет значения, но его применение, без постоянного уточнения и улучшения, приводит к удручающим последствиям.

Внешне выглядит так, что безукоризненное послушание, до того только нахваливаемое и поощряемое, наказывается ходом вещей, а шаловство, ранее одергиваемое и порицаемое, вдруг распрямляется и выходит в фарватер. Но это только кажется. Важно не баловство, а жажда и успехи самопретворения. Кто научился повторять правильное — ещё ничему не научился. Понимание приходит с умением пользоваться преподанным с подобающим обстановке смыслом.

Не каждому дано переступить порог зрелости и познать радости праздника самовоплощения. Жизнь человеческая коротка. Многие стареют, оставаясь духовно немощными детками, не переросшими предписаний их генов и биологических инстинктов. Многие застревают на уровне культурных табу или остаются пленниками «общественного мнения». Их убожество и скучное увядание показывают никчёмность потуг ограничить реальность порогами дома, училищ и «узаконенных, правильных знаний».

УЗЫ ВЗАИМНОСТИ

Жизни важны не отдельные свойства (особые размеры, качества и превосходства), а только их взаимодействие. Даже такое вроде бы примитивное существо, как вирус, состоит из многих неоднородных компонентов, служащих разным целям, и действующим как целое, только благодаря строжайшей координации между ними. С человечеством всё намного сложнее.

Если бегло взглянуть на общественную жизнь, взаимность трудно различима. Все ищут личной выгоды, каждый думает о себе и пренебрегает чужими интересами, норовит оторвать кусок побольше, будь что будет. Как может вообще возникнуть единение

у существ, в чьей основе лежит боязливое стремление к самосохранению? А чем собственно самосохранение мешает общему?

Самосохранение — это защита идентичности, всего того, что позволяет организму развиваться в соответствии с собственным генетическим, индивидуальным и социальным опытом. Задачи самосохранения включают условия жизни, инструменты, пропитание, запасы на непредвиденные случаи, «хороших и верных» товарищей, на которых можно положиться, учителей к которым можно обратиться, а также знания, позволяющие разобраться в окружающем и воплотить мечту. Тело — одно из условий и, как всё перечисленное, не сохраняется, а постоянно меняется.

Чем дальше в эволюции и в каждом отдельном случае продвигается жизнь, тем многочисленнее и увесистее всё то, что необходимо для самостоятельного развития, но тем больше и возможностей, это необходимое обслужить. Мотыга, бесспорно, неприхотливее трактора, но трактор достигает несравненно большего. Самосохранение — это стремление расширить и сделать неуязвимыми предпосылки своего становления.

У примитивных существ, таких как вирус, стремление к самосохранению ограничено поддержкой преумножения вирусных генов и их обслуживающих белков. Бактерии заботятся о большем. Но всё это ничто по сравнению с задачами многоклеточного организма, координирующего сотни, тысячи и миллионы (вроде бы самостоятельных) клеток одного и того же тела. Каждый достигнутый этап развития меняет представления о «себе», вместе с тем видоизменяются и растут требования «самосохранения».

Эмбрион повторяет успехи эволюции вида. Первые шаги ограничены координацией его отдельных клеток. На большее он не способен. По мере созревания до уровня малых детей, а позже подростков, происходит развитие телесных и умственных способностей, направленных на познание мира, осваивание культуры и формирование сознания. Ничто не стоит на месте, никакой порыв не сохраняется неизменным. Культура и сознание выводят человека за пределы его биологического предопределения,

даруют власть над пространством и временем, одновременно ставя задачу их обустройства. Запросы «самосохранения» при этом стремительно растут, но неизмеримо растут и навыки, силы и энергия, а также радости побед и достижений. Далеко не все из былых посылов самосохранения сохраняют значение при созревании человеческой личности, многое ребячество, например эгоизм и самовлюблённость, в её бесчисленных проявлениях, выбрасываются как ненужная обуза.

Застравший на «низших» этапах развития не может даже представить что-то важнее телесных потуг или лести общественного мнения, но и к большему он не способен. Попытки навязать ему возвышенное обречены на провал и озлобленное противление. Вирус, кроме как инфицировать, ни к чему не способен. Эгоист поглощён завистью, стяжательством и обманом. Они не умеют иначе, но в их узколобии никому, кроме как себе и ещё более низкому, не в состоянии всерьёз навредить. Ну, борются они. Иногда побеждают. Выйти за границы собственного кругозора им не дано. Бодание с себе подобным сковывает противоборствующих, поскольку серьёзного перевеса нет, а случайности изменчивы и непостоянны.

Умный уступает то, что ему не особенно важно или даже вовсе не впрок. Видения, открывающие новые возможности, делают спор излишним. Конечно, преимущество должно быть реальным, что требует терпения, времени и трудов. Тем не менее высшее, по достижении своего могущества, не обрушивается на низшее, мстя и карая (к чему расточительство), а наоборот, часто берёт его на поводок. Так, люди каменного века приручили диких животных, регулярно опустошавших их огород или даже нападавших на них. Воры свиньи и травоядные скоты, вытаптывающие и пожиравшие посадки, превратились при этом в важных пособников домашнего хозяйства, а волки-изверги стали верными и надёжными друзьями.

Что толку меряться, у кого круче токсины, мышцы, зубы, стволы или машины. Тяжба — мера недоразвития противоборствующих.

Чем напряженнее их потуги, тем ниже уровень развития. Победа, это всегда победа лучших идей с наименьшей затратой сил. Силы важны не для противостояния, а для достижений.

Видения возбудителя не выходят за рамки инфекции. Раковая клетка не видит дальше забот её собственного деления. Их вредоносность — результат обстоятельств, которые они не обозревают, которыми они не в состоянии пренебречь и на которые не в силах повлиять. Сознание опирается на развитие восприятия и мышления, ищет помощи и ответов от живущих и живших когда-то людей. То, что оно при этом получает, превышает суммарные возможности всех существующих возбудителей, раковых клеток и хитроумных мерзавцев, не видящих ничего, кроме своей непосредственной выгоды. Да. Рак, инфекции и подонки могут серьёзно нагадить, но только при благоприятных для них обстоятельствах, и пока разум не наденет на них намордник. Самосохранение не поощряет подлость, оно всего лишь вознаграждает по заслугам и отводит каждому достойное место в общем здании.

ОБЩЕСТВЕННОЕ

Укрощение огня, превращение выжженной солнцем степи в плодородную землю, прокладывание путей к неизведанным странам и континентам, обращение глины-слякоти в керамику и дома-мазанки, извлечение твердых металлов из «податливого камня», оказавшегося (как это в последствии выяснится) рудой. Всё это непосильно отдельному и вполне подъёмно для преемственности общего.

Руководство

*Un mauvais general vaut mieux que deux bons
(Один посредственный генерал лучше двух хороших)*

Объединению нужно руководство, а руководству важна однозначность. Самым древним и фундаментальным утверждением однозначности является передача управления одному единственному из геномов. Там где неясно, какое из решений правильное, такое регулирование оправдано. При его претворении противоречивость приказов исключена, а лучшее просто побеждает и выдавливает несовершенное. Судьёй при этом выступает история.

Сей принцип оправдал себя настолько, что жизнь от примитивных до высших организмов (вне полового зачатия) пользуется им и делает это тем навязчивее, чем менее в ней проглядывается разума.

Первые человеческие объединения также не чурались прибегать к нему, отдавая решения на откуп одному единственному геному выборного или наследственного начальника. Смена руководства при этом, как и в пчелином улье или муравейнике, сопровождалась физическим устранением всех претендентов, независимо от личных или родственных отношений, будь то ближайшие друзья, родители, сёстры или братья. Узость разумения такого правления с лихвой окупалась достигнутой концентрацией силы всей общины.

Чем крупнее и сильнее геном-центричное объединение, тем дальше оно отбрасывает тень своих правителей, подминая под себя всё мало-мальски самостоятельное вокруг. Смена правителя неизбежно означает внутреннюю политическую, а затем, после консолидации, внешнюю завоевательную войну. Ведь к претендентам относятся не только внутриобщинные, но и руководители соседних образований. Взлёт и падение империй Монтесумы, Александра Македонского, Цезаря, Тамерлана, Наполеона, Гитлера демонстрируют принцип распространения культур и возможности управления один-фюрер-геном на весь народ. Их фееричность обманчива. Преимущества вертикального управления аukaются колоссальными недостатками выбора направления.

При неудачном выборе приложения сил, усердие приводит к тем более удручающим результатам, чем выше его накал. Ни один взгляд не может заменить совместного видения общества. Деспотии сильны, пока им некому противостоять, и рушатся, как только повстречаются с пусть и малочисленным, но целенаправленным дарованием.

Широкое распространение в истории геном-центричных форм руководства создаёт впечатление, что цивилизованность — это результат борьбы тщеславий за то, кто принимает решения и кто обязан им подчиняться. Но это не так. Жизнь, переходя к новому, часто пользуется в прошлом отработанными рецептами, но не потому, что они лучшее решение, а чтобы не распылять силы и внимание на то, что можно на первых порах достичь с меньшей затратой ресурсов. Даже современные „демократии“ сохранили типичные черты архаичного геном-центризма. В них, как и в монархиях, пирамида власти сужается до отдельных геномов президента, канцлера и генерального секретаря. Разница между прежними формами правления и современными демократиями заключается в способе получения «первого» голоса, продолжительности его действия и последствиях, с которыми нужно считаться при противлении. Важны и министерства, суды, палаты и прочие исторически оправданные институты вокруг них. Выбор правильного направления постепенно отвоёвывает себе достойное место рядом с централизмом продавливания. Как бы ни была важна однозначность руководства, единственным решающим фактором является то, насколько хорошо оно служит интересам объединения.

История, конечно, беспристрастный судья, но уж больно близорукий, когда речь идёт о будущем, а не о прошедшем. С усложнением общественных организаций роль первого голоса падает, а умение регулировать разнонаправленные интересы становится всё важнее. Успешные руководители постепенно теряют свойства приказывающих и приобретают качества **первых** служащих (= ministrant — **министров**, начиная с Ришелье) составителей документов (= cancellarius — **канцлеров**, начиная с Бисмарка)

и ведущих обсуждение секретарей (Сталин). Важнейшими факторами здесь оказываются преимущества стратегически правильного видения и возможности его претворения. Направление хода истории неоспоримо. Способы же, независимо от содержания, во все времена просты.

Насилие и право

Разношерстный хор голосов, в котором все наперебой трещат, не слушая и не слыша друг друга, не приносит единства. Поднятый для удара кулак вносит порядок и прерывает словоблудие. Плох или хорош — даже плохой порядок лучше беспорядка.

Поединок на кулаках, с оружием, в словесности — доказывает телесное, боевое или вербальное преимущество оппонентов. Однако, оценка умения требует других сертификатов. Закон сильного ласкает грубияна и обходит созидателя, а потому препятствует общественному развитию. Передача судебной власти третьему, облачённому общественной силой, освобождает людей от засилья тумачков. Закон описывает объём и степень, в котором право поддерживает чаяния людей, когда они сталкиваются с противлением. Пока никто, включая групп, не имеет силы встать выше закона; слова закона достаточно, чтобы без боя расчистить путь.

Отдельному человеку не подвластные, но обязательные для него законы и законодатели надменно называют себя «правом». Они делают это не по праву. Как история, так и современность, полны примеров человеко-ненавистных законов. Законы становятся правом только тогда, когда служат справедливости. Отсутствие или неправильные законы не освобождают от ответственности. **Уважение долженствует только правде и праведному. Несправедливые законы следует соблюдать в той мере, в какой это необходимо, чтобы избежать насилия. Долг каждого — противоборствовать законам, несовместимым с собственной совестью и искать пути для поддержки и утверждения справедливости.**

В одиночку закон не преодолеть. Тем не менее отсутствие законодательного органа и соответствующих кодексов не помеха и не оправдание.

Строгость закона — ничто. Важен инструмент за законом. Без механизма, стоящего за законом, закон превращается в набор бессмысленных букв. Знающему это, любой закон — не помеха. Средств для этого много (плохих и хороших), как и примеров, демонстрирующих их. Закон, например, бессилён там, где ему противопоставлена более мощная сила как то: разведывательные и тайные службы (Моссад, ЦРУ, КГБ), сплочённые сообщества (мафия, «Свидетели Иеговы», профсоюзы, пресса и общественное мнение), законодательная государственность (помилование), чужое, но более сильное государство (США и «Запад» насаживающие цветные революции или предоставляющие оппозиционерам убежище и гражданство), транснациональные движения («мировое сообщество»).

Где судебная власть отсутствует (при революциях, при перегруженности) судить так же некому. Самым простым противодействием закону является экстерриториальность. Где нет осуждающего, вызывающего к закону, нет и суда. Тот, кто двигается вне щупалец закона, не достигаем им. Отсюда склонность к конспирации.

Самым действенным средством, отрицающим неправомерные законы и воздвигающим новые, является совесть. Только она позволяет найти и сплотить соратников и симпатизантов, необходимых для жизненности возводимых законов. Совесть позволяет действовать в духе справедливости, даже там, где соратники пока физически отсутствуют, в более чем оправданной уверенности их найти и на них опереться в ходе противостояния. Клин клином вышибают.

Компетентность

Кулаки идут в ход при отсутствии объединяющих предначертаний. Для компетенции важны умение и реально обозначаемые достижения.

Вроде бы у компетенции нет инструментов давления, нет единаначала. Да и выглядит компетенция внешне довольно серенько для неискушенного.

Нет у неё блистательных униформ, дворцов, дорогих часов, костюмов, машин и яхт. А к чему ей эта мишура? За её спиной достигнутое и задействованное, на которые она может всегда опереться, так же, как и организм опирается на свои гены, органы, вехи эволюции и индивидуального развития. То и другое плохо обозримо для того, у кого их нет.

Ответственность

Человек, доверяющий деньги банкиру, показывает этим, что не знает, как путно их применить и надеется на большее, передав управление в чужие руки. Прислуживающий другим, поступает так же в отношении собственных способностей и сил. Одни ведут, другие следуют, часто и то и другое одновременно: руководят там, где в себе уверены и следуют там, где не хотят ничёмно разбрасывать силы.

Быть чем-то особенным или самонадеянным — не одно и то же. Ничтожность втискивается, бесстыдно бахвалясь, во все уровни управления. Поэтому каждое сообщество создаёт механизмы защиты и очистки от невежества и некомпетентности. Часто в дело идут не высшие размышления, а банальные злоба и зависть. Тянувший на себя, но не умеющий удержать и распорядиться властью, вынужден считаться с возможной отповедью таких же как и он нарциссов, с последующими: изгнанием, нищетой, каторгой, пыткой, наконец гильотиной, и задуматься перед прыжком.

Страх перед ответкой, то есть ответственность, удерживает надменность и самомнение, а вот обогатить содержание власти, ответственность не в силах. Тираны и их сторонники обезглавлены. Победители и соучастники представляют собой жалкое зрелище. Выборы проведены в соответствии с лучшими правилами, но избранники разобщены. Фракции грызутся между собой. Общепризнанного руководства нет и не предвидится. Безликие правительства меняются, лезут из кожи вон, но могут только наблюдать, как всё выходит из-под контроля. Откуда такие разброд и бессилие, хотя все рычаги приведены вроде бы в действие, все законы изданы, а правила соблюдены?

Зрелость социальных институтов не может заменить достойных перспектив, а также опыта и способностей их претворения. При отсутствии целей, реально продвигающих развитие большинства, общность распадается на отдельные группы, пытающиеся самостоятельно найти выход из тупика. Поскольку возможностей для заблуждений неизмеримо больше правильных решений, неизбежно мытарное продвижение крошечными шажками междуособно грызущихся мини-ватаг.

Советы

Слово «совет» имеет много значений: наставление, обмен мнениями, слушания для определения взглядов. Общим является поиск решений и соратников. Чем малочисленнее и компетентнее совет, тем легче вынести решение. Чем обширнее совет, тем больше потенциальных соратников. В зависимости от цели выбирается подходящая форма.

Название совет(ы/ники) приняло со временем множество родственных кличек: обсуждение, консультация, собрание, встреча, семинар, консилиум, митинг, конференция, коллегия, сенат, съезд, конгресс, пленум, парламент, дума. Вроде совсем по-иному звучащие и режущие слух: Рейхсрат, Бундесрат, Ландрат, Штадтрат

— имеют ту же основу. Рат в переводе с немецкого это совет. В Германии советы на каждом шагу от деревенского до государственного управления.

Каждая из перечисленных структур, выбирая особенное название, подчёркивает свои мнимые превосходство, исключительность и противоположность всем остальным, что, собственно, и типично для противоборствующих мнений. На самом же деле, названия не принципиальны. Важна уместность и на что конкретно отваживается совет, как далеко хватает легитимность его представителей.

Легитимность

Легитимность — это готовность к пожертвованию идеалам, целям и руководству сообщества ради собственных ожиданий. Правомерность описывает желаемые, легитимность — реальные соотношения. Как бы пропаганда не пыталась затуманить понимание истинных рычагов властвования, их постижение не так уж трудно.

Политик противостоит общине, как производитель покупателю. Для предпринимателя естественно хвалиться, преувеличивать, лгать. Это иногда даже откровенно мерзко, но не так уж страшно. Покупатель, приобретая и реально оценивая те или иные продукты, поощряет или наказывает производителя и таким образом осуществляет контроль.

Плюсы и минусы политики, также как и производства, определяются не красочностью риторики выступлений и резолюций и даже не результатами выборов, а реальными достижениями подопечных. Политика, соответствующая ожиданиям или даже превосходящая ожидания, вызывает энтузиазм и идентификацию, даже если свершившееся не было обещано в политических заявлениях. Люди реагируют так, будто у них открываются глаза, как будто исполняются их невысказанные, да и неосознанные мысли и желания.

С возгласом — «Я это давно знал, только не мог выразить» — люди бросаются в общественную жизнь, внося свою лепту. Этой своей совместной деятельностью они удерживают политику на плаву, а не голосами и бюллетенями. Наоборот, последствия сумбурной политики приводят к растущему безразличию, пассивности, не озвученному, а потому неконтролируемому сопротивлению. Люди шарахаются от пустой болтовни, ищут дистанцию или, наоборот, возмущаются, становятся агрессивными. Механизм общественного управления, контроля и подавления перенапрягается, но достижений всё меньше и меньше.

Но разве власть не может просто приказать, следовать ей?

Ах, как бы ей этого хотелось!

Я хорошо помню собрания позднего Советского Союза 80-х годов: бесконечные речи ни о чём. Слова, слова, снова и снова слова, иногда перепалки. В заключение — пафосно напыщенное голосование по вопросам, которые никого, собственно, не интересуют, и пугающее молчание по темам, волнующим всех, но не допущенных к обсуждению; растущее озлобление на нежелание видеть очевидное, неприкрытое безразличие и застой во всем. То же самое мы видим сегодня в США и ЕС, причём, на любом уровне, от муниципалитета до правительства. Тогда и сейчас, там и здесь результаты выборов были однозначными. К власти приходили «правильные». Указы принимались «обещающие»; только легитимность у них была нулевой. Резолюции и законы штамповались, но, как и бессмысленно произведенные товары, оставались незапрошенными, вынуждая аппарат действовать в ручном режиме управления, всё более сковывая силы. Руководство растрчивало кредит доверия, погружаясь в немогущую деменцию.

Тем временем, люди по отдельности и группами расходились в поисках более достойного (как минимум выгодного) приложения своих способностей и обретали его, часто перекраивая всё предыдущее. Конечно, зная о закономерности таких исходов, хотелось бы заранее знать, где и в чём будущность. В борьбе ли она или в напряженном труде? Нет, в созидании.

Творчество

Творчество подходит к задачам иначе чем культура, единоначалие, авторитет компетентности или выборность, не отказываясь ни от одного из этих инструментов.

В то время как все хорохорятся, пытаются повелевать, спорят, голосуют, задумка покидает скопления болтунов и дерущихся петухов в поиске нестандартных подходов. Она без лишних разговоров делает то, что считает правильным, увлекая людей наглядным примером и плодами своих творений. Толпа, шум и обилие навязчивых мнений только мешают. В споре рождается гипертония. Истине нужна тишина. Рейтинги компетенций, авторитетов и рангов тоже не в помощь, если они реально не могут предложить путного. С мыслями легче разобраться сидя на лавочке в парке, болтая в озере ногами, глядя на удочку, гуляя по улице или в лесу, читая, сравнивая, мечтая, ища соратников и друзей, делая записи, позволяющие сформировать свои мысли, присоединяясь к союзам и основывая новые по веяниям сердца и разума. Ключ к творчеству открывают не деньги и не инструменты, это всё производное, ключ к творчеству даёт только духовное.

ДУХОВНОЕ

Сознание и духовное появляются на поздних стадиях развития человечества. Но возникли они не на пустом месте. Их семена заложены уже в истоках эволюции, а предпосылки к ним угадываются у первых живых существ и последовательно развиваются далее. И вправду, величие жизни не вещественно. Оно является следствием предвидения последствий своей деятельности и выбора, наиболее обещающих из них. Чем более развиты возможности охвата реальности, тем более продвинута жизнь.

Эго

Жизнь — это преуспевание созидания перед разрушением. Не зная, за кем будущее, жизнь не ставит всё на одну команду и великодушно позволяет выскочкам забегать вперед, особенно, если речь идёт о неизведанном.

Возможности охвата реальности первых организмов (вроде вирусов) незамысловаты. Они ограничены химическими реакциями, протекающими на их поверхности и таким образом не слишком уж отличаются от примитивных автокаталитических молекул, из которых зародилась жизнь. Автокатализаторы, как и живые существа противостоят беспристрастному ходу глобальных преобразований физического мира. Материя течёт и постоянно меняется, круша всё встающее у неё на пути. Автокатализаторы противостоят изменениям, перенаправляют разрушающий поток внешней энергии на собственное восстановление и размножение.

Автокатализ — предпосылка, но ещё не жизнь. Жизнь зарождается начиная со способности автокатализатора выбрать ту или иную форму химического преобразования. Размножение потворствует молекулам, умеющим сделать наиболее удачный выбор. Их распространение и дифференциация закрепляют успех и служат первым механизмом накопления опыта. Больше опыта и выбора при переработке различных химических субстратов автоматически обуславливают более независимое, обильное и обширное распространение. Молекулы, позволяющие этот опыт удержать, получают преимущества. Их эволюция приводит к возникновению автокаталитических нуклеиновых кислот, ставших генами или наследственной памятью. (Ранее были наверняка и другие органические носители памяти, но с возникновением и развитием нуклеиновых кислот, они канули в небытие.)

Гены кодируют наиболее оправдавшие себя в прошлом алгоритмы роста. Выбор отдельных инструкций происходит не случайно, а завязан на ситуацию. В неблагоприятных условиях гены молчат. При возникновении подходящих условий гены включаются

и записанные в них правила реализуются. Завязка генетических алгоритмов на ситуации наибольшего благоприятствования позволяет первым примитивным организмам воспринимать внешний мир вне своей телесности, обособив «себя» от внешнего мира.

Первоначально, включателем и выключателем генов была сама ситуация. С развитием жизни, многообразие сходных ситуаций сжалось до ограниченного числа стимулов, символизирующих эти ситуации. Встреча с этими символами сообщала организму, являются ли предпосылки для его роста **хорошими** или **плохими** и следует ли к ним стремиться (например размножаясь в их направлении) или их избегать, не проявляя себя и ожидая лучшего. Стремление к хорошему и игнорирование, а то и отталкивание от плохого позволило ориентироваться. Мир перестал быть чем-то безличным и получил систему координат. Пусть эти координаты и просты, по сравнению с предыдущим топорным автокатализом они высокоэффективны и позволяют во всё большей мере накапливать информацию о внешнем мире и соответственно усовершенствовать и развивать самих себя.

Первоначально телесное самоусовершенствование своих генов происходило непосредственно. «Полезные» гены росли вместе с их подопечными, а те стремились опереться на лучшие из них. Своё при этом было превыше всего.

Эволюция, не имея лучшего, подначивала эгоизму и самовлюблённости, поскольку они заменяли ей отсутствие глаз и мозгов. Самолюбие и эгоизм служили белой тростью незрячего. Механизм такого охвата реальности прост: малые и большие эго(измы) насканивают друг на друга и вынуждают более слабых искать дали от побоев, а равносильных — расходиться. Зло порождается в обилии, напрягается по полной и служит тем не менее добрым целям. Противостояние расширяет область расселения, выталкивая одиночек за грани привычного, вынуждает идти непроторенными путями в местностях, часто вовсе не лучезарных или приветливых. Поднимая безжизненную целину методом проб и ошибок, пионеры приспособляются к новым условиям, видоизменяя себя и окружение.

Жизнь становится разнообразнее, а область обитания шире.

Самодовольство и исключительность терпимы и оправданы в необжитом мире. При достигнутых границах расселения напор натывается на напор, удар бьёт рикошетом с той же, как и вложенной, силой. Напряжение противостояния растёт, но, не имея выхода, пожирает любой рост. В горниле взаимоуничтожения и бессмысленной толкотни родились: **сообщества, сексуальность, культура, сознание и духовность**. Пройденный при этом путь, как и достижения при охвате реальности колоссальны. Для автокаталитического предшественника жизни мир — это субстраты размножения. Их узнавание и переработка позволяет органическому автокатализатору обновить себя до разрушения. Бактерия обзревает её непосредственное окружение и уже целенаправленно движется в нём, выбирая лучшее направление. Животное контролирует свою жизненную территорию уже целиком, охват постоянно расширяется и скажем у кита распространяется на весь океан. Духовное же охватывает всю вселенную. Проследим в кратце этапы становления разума. Их обзор позволяет избавиться от многих несуразностей.

Сообщества

Первые содружества обосновали организмы, которые взаимно дополняли друг друга, при этом не конкурируя за общие ресурсы. (Например, организмы, использующие углекислый газ и производящие кислород // с организмами потребляющими кислород и образующими углекислый газ.) Взаимодополняемость увеличивала их возможности и позволяла выжить там, где у отдельных организмов не было шансов. (Например, в атмосфере, начисто лишённой кислорода и углекислого газа.)

Сообщество сочетает разнообразное, расширяет ограниченные возможности образующих его членов и позволяет вырваться в жизненные пространства недоступные эгоизму. С этого времени

общность и исключительность соревнуются друг с другом, но, будучи непримиримыми, только продвигают жизнь вперёд разными путями. Эгоизм пыжится, давит, разгоняя размножение до границ возможного, пытаясь обогнать других. Сообщество ищет партнёров и средства, ломает ограничения и преодолевает доселе невозможное. В длительной перспективе побеждает всегда взаимно обогащающее сообщество, проникающее туда, куда эгоизму доступа нет.

Большим недостатком первых объединений была невозможность обмена опытом между их участниками. Первоначальным языком, записывающим и закрепляющим опыт предыдущих успехов были гены. При их линейном размножении гены можно модифицировать в зависимости от ситуации и передавать потомству, но не обмениваться ими друг с другом. Каждый организм внутри таких эгосообществ преследует исключительно свои цели и терпит всех остальных только пока они непосредственно облегчают достижение «своего».

Непосредственная выгода — плохой советчик для притязаний будущности. То, что повстречал один участник, неведомо остальным. Каждый видит мир из своего иллюминатора и не имеет возможности сообщить соседу, что лежит перед ним, просто по тому, что сосед у другого окошка (и с физической точки зрения рядом быть не может). Так в чём проблема, если каждый получает сполна то, к чему он стремится? Беда в том, что эгосообщества противятся дальнейшему развитию составляющих их участников. Получаемое от эгосообщества позволяет неплохо жить, но не позволяет стать лучше.

Соотношение членов внутри сообществ-эгоистов регулируется не их личными преимуществами, а потребностями общности. Собственное выживание и размножение напрямую зависит от выживания партнёра. Размножение возможно только в строю и чеканя с напарниками шаг. Как в таком случае преимущественные «собственные» гены могут получить большее распространение и закрепиться в эволюции? Предпочтительное размножение одного из участников разрушает сообщество. Примеры такого роста — инфекции или рак. Эго-объединения могут расти не иначе, чем совместно

заполняя площади или разрываясь на отдельные полноценные конгломераты. Первые сообщества не сумели поэтому подняться выше биоплёнок. Дальнейшее развитие и совершенствование эгосообществ возможно исключительно за счёт урезания их компонентов до безвольных шестерёнок одного единственного супер-организма, что привело в своё время к возникновению эукариот, объединившего в одном теле множество ранее самостоятельных существ.

Чтобы разношёрстные участники могли самостоятельно развиваться, тем не менее оставаясь вместе, им необходимо обмениваться генетическим опытом. Такому обмену противостоит линейное размножение. Эгоцентричные организмы совершенно не согласны с тем, чтобы кто-то вмешивался в их гены, ведь таким образом, они теряют свою идентичность. Возникает основополагающая проблема. Для развития сообщества его участникам необходимо взаимно улучшать себя и соратников. При этом они не имеют права что-либо изменить в чужих или в своих генах. Вроде бы совершенно невыполнимая задача. Сексуальность нашла решение элегантно преодолев противоречие между эгоизмом и единением.

Сексуальность

Сексуальное зачатие взаимным оплодотворением устраняет родовой недостаток линейного размножения. Половые партнёры смешивают свои гены в будущих поколениях и таким образом позволяют сочетать образы жизни, созданные в совершенно разных условиях, не изменяя самим себе. Ведь гены родителей остаются при этом неприкосновенными, модифицируется исключительно генный состав детей. Размножение вне сексуального оплодотворения ограничивается клональным ростом и служит преимущественно подготовке к будущему скрещиванию.

Хотя гены родителей неприкосновенны, сексуальность не уменьшает, а усиливает способность организмов целеустремлённо переписывать гены. Чтобы зачатие с оплодотворением произошло,

родителям нужно вырасти, созреть, отстоять и обжить своё жизненное пространство, найти партнёра и скрестить свои и его гены (доказавшие их преимущество), соединив в потомстве успехи родителей. Только родители, успешно прошедшие через огонь, воду и медные трубы предыдущих экзаменов жизни, получают право к зачатию. Эта проверка на годность и выбор партнёра вытягивают как магнит лучшее из предшествующего, определяя гены будущности. Более того, сексуальность связывает вид в единую общность развития, каждый участник которого остаётся независимым и тем не менее никак не ограничен в своём творческом потенциале. Умение свести воедино различный опыт ускоряет эволюцию, приобретающую с каждым поколением что-то новое, созидает многоклеточные организмы, а с их расцветом органы восприятия и мозг.

Восхождение разума

Первоначально творческий потенциал сексуальности ограничен отдельным видом. Передача опыта от одного вида другому невозможна. Всё более ускоряющееся развитие многоклеточных усовершенствовало телесность и одарило её органами чувств и анализа. Центральная нервная система неимоверно расширила непосредственно воспринимаемое, ранее пережитое и поэтому уже предвидимое. Мир перестал быть чем-то просто соприкасаемым, а стал всё более полным и дифференцированным представлением, порою очень обширного жизненного пространства. Так аисты научились читать звёзды, летая от одного полушария к другому, включив лежащую под ними географию и распростёртую над ними звёздную карту в своё мировоззрение. Передача опыта вне генов оставалась тем не менее невозможной. В начале, такая передача была в целом не так уж и важна. Многоклеточность организмов открывала их отпрыскам всё новые ниши, в которых они размножались, причудливо переплетаясь вроде бы в одном месте, и тем не менее населяя по большей мере не соприкасающиеся друг с другом миры.

Всё более тесное соприкосновение, чередование и перемешивание различных жизненных пространств породило паразитизм и иерархию социального. Возникли сложные биоценозы, стаи, табуны, семьи. Многосторонняя зависимость их участников друг от друга росла не только при симбиозе, но и при паразитизме, ведь прожорливый паразит уничтожает и свой достаток. Координация и согласование отдельных вне-видовых отношений становились всё более важными. Определение мира в образах его непосредственного восприятия стало недостаточным. Иерархия добавила к ним совершенно произвольные символы, не имеющие ничего общего с реальностью, но важные для маркировки территорий, управлению движений и поведения конкурентов и стай. Символы перестали быть частью и наиболее выдающимся признаком определённых ситуаций, а начали самовольно устанавливаться живыми существами. Используемые для них жесты, звуки, позы и запахи всё более дифференцировались и приобретали абстрактность. Ко всему прочему, эти символы уже не служили собственной ориентации, а исключительно общению и управлению социумом.

Ячейкой и тихой гаванью индивидуального развития в этом всё более сложном и многовекторном мире становится семья. А от заботы семьи о её потомстве уже один шаг до возникновения культуры.

Культура породила рядом с генами совершенно новый и уже буквальный «язык» словесности для записи опыта. Традиции приказывающие — «Делай как мы, а не как тебе подсказывают инстинкты и мгновение ситуации!» — собирают, удерживают и прививают опыт, не ожидая развития соответствующих для этого генов. Пока живы носители культуры, закрепление опыта в генах уже не является необходимой предпосылкой сохранения знаний. Все одновременно живущие участники социума, а также знаки, которыми они пользуются, хранят собранные в прошлом познания в приказах и наставлениях.

Мышление в образах этих «абстрактных от непосредственного

переживаемого» знаках породило сознание. Сознание, в отличие от чувственного созерцания, оформляет результаты своей деятельности не в конкретных образах переживаемого, а исключительно в языковых, преимущественно словесных символах общности. Порождается этнос. Мышление превращается из анализа собственных деяний в анализ общественного опыта, из индивидуального — в общественное прозрение.

Сознание — это мышление, выраженное в языковых символах человечества. Его содержание вырабатывается каждым отдельно, а вот сохранение в памяти и разговорной речи происходит с использованием словарного запаса и коллективного мышления всего человечества. Это не значит, что все разделяют всё продуманное, даже очень наоборот, но содержание осознанного получает возможность бродить и передаваться друг от друга независимо от генов, приказов начальства и требований культуры. Единственным мерилем содержаний сознания становится даруемая их преемнику возможность лучше и насыщеннее жить. Правильно ли осознанное или нет — уже доказывают не сила и не авторитет, а факт, может ли оно послужить развитию. Именно это воспользование даёт осознанному путёвку в жизнь.

С укрощением огня и необходимыми для этого общественными предпосылками, значение словесного языка взрывообразно возросло. Непосредственное присутствие людей (их указания, деятельный пример, наставления) становятся для передачи содержания всё менее необходимым. Прошлые поколения обретают наряду с живущими весомое слово.

Первыми скрепами прошедшего и будущего служат при этом совместные творения как-то: пещеры и привалы (а позже дома), обустроенные вокруг огня, каменные и металлические инструменты передаваемые и оттачиваемые из поколения в поколение, вспаханные поля и посадки плодоносящих деревьев, совместно воздвигнутые монументы. Их всё более абстрактные контуры обрисовывают былые свершения, записывая культурную память независимо от живущих.

Культура, сплавив вместе языки жестов, звуковых и образных символов с их инструментальными и монументальными символами изобрела **письменность**, создав рядом с генами и словесным языком новый, более ёмкий и совершенный носитель памяти. Книга, компьютер стали уже его продолжением.

Итак, всё живое может думать. Животные особенно наделены этим даром. Но каким бы интеллектом животное ни обладало, записать и передать продуманное вне своих генов животное не может. Умение читать и ориентироваться по звёздам у птиц вынужденно врождённые. Культура хранит и записывает опыт в поведении сосуществующих поколений, направляя к примеру, неопытных журавлей при их сборищах перед перелётами. Язык криков и демонстративного поведения наставляет новобранцев, выбирает из них наиболее восприимчивых знанию и таким образом лепит гены будущих успешных поколений.

Словесный язык человеческого общества породил сознание, а письменность породила духовность, оставившую культуру аистовых сходок далеко позади.

С развитием письменности, содержание сознания стало независимым от живущих людей, географии и времени, в которых они были подняты. Письменность подняла сознание до уровня вселенского разума. В нём оказались собраны все языки мира, сегодняшние и вымершие, но расшифрованные и доступные прочтению. Более того, к нему добавилось содержание генов, вовсе не предназначенных для того, чтобы быть прочитанными кем-либо, кроме их владельцев. Секвенирование вкупе с молекулярной генетикой сделало это возможным. Каждое существо, вроде бы стремясь ради себя, пополняет кладёз духовного, невольно или целенаправленно обогащая всех. Всё переводимое в язык сознания (включая химические, физические и прочие формулы) сосредоточилось в духовности. Палеонтологические находки и даже отпечатки ног в высохшем русле реки стали читаемы. Оказалось что и случайно оставленные где-то следы — это тоже язык и вполне может быть доступен духовному. Их расшифровка связала воедино устремления давно

вымерших цивилизаций и даже эгоистичнейших из узколобых вирусов с высокими порывами человечества.

В античности для кладёз познаваемого ввели слово духовность. Люди приобщённые, т.е. получившие больший доступ к ней, считались одухотворёнными, светлыми, по-нашему, просвещёнными. Люди обойдённые духовностью — грубыми, темными, непросвещёнными. Ради духовного люди перерастали самих себя.

Приобщение к духовным богатствам давало огромное преимущество перед сумерками непосредственно воспринимаемого (посредственного), но только если приобщение было истинным, а не бумажным. Духовность, не выходящая за рамки письменных или любых других внешних формул, ещё не содержание и не одухотворённость. Одухотворённостью она станет только тогда, когда человек научиться не только повторять, но и применять, т.е. понимать содержание. Без понимания, духовное всего лишь благозвучная трепотня.

Духовность, воплощённая в реальную жизнь и дела человека, это то, что раньше называли **душой**. В зависимости от её развития, душа могла оставаться животной, мелочной, забитой и узкой, а могла стать широкой и всеобъемлющей. Дух рассматривался как нематериальное содержание, лежащее вне человека. Душа — как претворение духа (одухотворение) в каждом отдельном человеке. **Независимость духа и души от времени и пространства была очевидна для каждого, кто с ними соприкасался. Бесконечность и бессмертие духа и души было невозможно отрицать.** Хотя эти, нутром воспринимаемые истины были непогрешимы, детский лепет религиозных объяснений с небом, адом, жизнью после смерти, а также несуразности вычурных философских объяснений вроде «Феноменологии духа» сделали их посмешищем для многих.

Впрочем, понятия души, духа, духовного всё ещё повседневно используются и несут глубокий смысл. Даже завязтые из материалистов не могут без них обойтись. При этом сомнения в реальном существовании духовного не менее глупы чем сомнения в существовании разума.

Разум и дух не имеют материальной субстанции. И это правда. Их нельзя засунуть в какую-нибудь пробирку, взвесить, пощупать, облучить или расщепить. Тем не менее они вполне измеримы, весомы и осязаемы по тем последствиям, которые они воплощают или только способны претворить.

Разум и дух — это масштаб возможностей живого вмешиваться в материальные процессы физического мира, исходя из опыта отставания своей самостоятельности. **Разум упорядочивает индивидуальный опыт. Дух упорядочивает опыт всего живого, жившего и будущего.** Хотя оба используются одинаково, а дух непосредственно вытекает из разума — разница более чем колоссальна.

Расцвет сознания, души и духа перевели окончательно эволюцию из биологической в мировоззренческую плоскость.

Для формирования генетического знания нужны миллиарды лет непрерывной эволюции. Для его уничтожения достаточно нескольких секунд. С каждой смертью отдельного существа до размножения обрывается эволюционный процесс одной из веточек роста. Знания представленные культурой труднее искоренить, но и для их поддержания необходима критическая масса живущего. Разрыв поколений лишает культуру корней.

Войны, неурожаи, эпидемии выкорчевывают культуры без малейшей надежды на их возрождение. Ценность духовного заключается в том, что оно сохраняется, когда создатели спят, впадают в слабоумие или, все как один, вымирают. Смерть — не помеха для духовного, пока его содержание записано. Как только тот, кому оно обращено, добирается до изложенного, духовное оживает в процессе усвоения. Душа как бы просыпается и рвётся к воплощению. Душа при этом не становится всемогущей и уж вовсе не отрешённой. Она всё ещё привязана к телесности, генам, сексуальности, телесным дарованиям. Хотя решающим является то, что именно духовное даёт, важным остаётся и то, что может взять тот, кто его впитывает. Придурак потыкается в непокорных формулах и отвернётся. Достойный растворится во вроде бы чужом, перевоплотив и воплотив далекую мысль в свои навыки и плоть.

Разношёрстность дарований человечества нивелирует слабости отдельных его представителей. Сопряжение разнообразнейших стремлений человечества позволяет душе окончательно вырваться из пут личной односторонности, расширив горизонты своей деятельности на всю обозреваемую историю человечества и шаг за шагом углубиться в мироздание. Мы вроде сейчас здесь и на этой странице, но наша душа живёт, думает и претворяется далеко за этими пределами на территориях отвоёванных духовным.

Биология, молекулярная генетика, палеонтология, археология и лингвистика переводят на язык сознания давно минувшие повествования, читают следы и записи вымерших существ, видов и культур, раздвигая границы нашего собственного времени и бытия. Содержание генов смертельных возбудителей, ритуалов каннибалов, отморожков нацистов или продажных политиканов могут пугать и отталкивать. Что с того? Только от искателя и его духовности зависит, что и как из найденного пойдёт в ход.

Отрешиться от генов, культуры, биологии человека — духовность не в силах. Индексы, компьютеры, интернет и «искусственный интеллект» компенсируют слабости человеческого мозга, но заменить его они не могут, поскольку не в состоянии жить. Человеческий разум современника слаб и ненадёжен, разумная жизнь коротка и разделена перерывами сна и рождения. Сознание перебрасывает мосты через мрак обрывов бессознательного, связывая вершины минутных просветлений сетью первоклассных дорог. Пробуждаясь после сна или при рождении, мы отправляемся по ним в путь и в мгновение ока наверх выстраиваем то, для чего нашим предкам потребовались тысячелетия.

Духовность приобщает к бессмертию, но не дарует её. Слишком часто телесность вмешивается, перетягивая на себя одеяло имеющих, очень даже ограниченных сил. Для восхождения в духовное нужна дисциплина, самоотречение, усердие и собранность. К чему всё это, если телесность предлагает радости бытия задаром и даже подталкивает к ним? Разве своя рубашка не ближе к телу? Разве может абстрактная мысль сравниться с животным экстазом?

Пока телесность самодостаточна, личность не склонна погружаться в духовное. А потому многим так никогда и не удастся выкарабкаться из люльки животного. В обществе переизбытка, разрыв между телесным и духовным неимоверно увеличивается, приводя к удручающим последствиям и численному росту ожиревших, накаченных наркотиками, гормонами, мертвой собственностью и деньгами тварей.

А что, разве нельзя человека к духовному принудить или хотя бы подтолкнуть? Ведь культура, религия, мораль и закон делают это каждодневно и с успехом. В отличии от заповедей культуры, морали и законов, духовное не приказуемо. И в самом деле, от кого должны эти самые приказы исходить? Кто решает, что правильно, а что ложно? Ответы хранит только истина. А для неё чужое мнение не приказ. Единственное, что позволяет духовному подняться на ноги, это праведность, любовь и устремление к высшему.

КАЖУЩЕЕСЯ

но «Не то»

Вы строите общество, где каждый или станет шестерёнкой маховика, или будет раздавлен им.

Нам не с вами!

Нищие

Примеры всеилия генов, инстинктов, государственности и закона наводят на мысль, что их можно применять независимо от содержания. Отберите здоровые гены, искорените порочные влечения, служите правильной культуре и ценностям, издайте правильные законы – и всё и всем будет хорошо!!!

Так не бывает. Ген, инстинкт, аппарат и закон сами по себе ничто, а смысл – всё. Смыслы можно найти, но не предписать. Истине не нужны подачки – ну а глупость не спасут ни деньги, ни власть.

Если вытравить зло, добавится ли от этого доброго? Оздоровится ли человечество, избавивших от больных и калек? Восторжествует ли человеколюбие, истребившее корысть?

Не стоит заблуждаться. Социализм и капитализм, семья или община, частная или государственная собственность – это подручные средства, неизбежные и несовершенные, как нынешнее сельское хозяйство и животноводство. Противопоставление личного и общественного неправомерно. Их борьба возникает не от противоположности, а от неразумения. Оба качества сосуществуют и успешно двигают эволюцию на протяжении миллиардов лет.

Право на частную собственность – это всего лишь один из механизмов роспуска и воссоздания объединений. Покидающий объединение уходит не с пустыми руками, он не вынужден всё начинать сначала, бессильно созерцая, как ранее созданное им спускается «нерадивыми» под откос или ещё далее.

Уходящий забирает с собой определённую долю, выраженную деньгами, патентами или конкретными средствами: землей, машинами, зданиями. Эта доля не утрачивается, а переходит в другой союз и сообщество, которые уходящий основывает или к которым он присоединяется. Объём и правила «частного» меняются в соответствии с веяниями времени. Изменения и перераспределения важны, но без частной собственности не обойтись никак. Утверждение правил дробления и новообразования союзов и объединений даёт им преимущество гибкости и живучести, позволяет людям осознанно участвовать в сообществах и видоизменять их состав и направление.

То же относится и к «неприкосновенности» личности. Речь идёт не о поощрении эгоизма и преступности. Прикрытие и защита личности от вмешательства большинства дают каждому возможность беспристрастно формировать взгляды, вступать в объединения по духовному выбору.

Частная собственность регулирует средства, частное право регулирует время и пространство, на которые человек может рассчитывать, покидая отдельные союзы.

Терпимость и право частного противодействуют предательству, насилию и лжи, как единственно оставшимся возможностям исхода. Они обеспечивают поток талантов между сообществами. Пренебрежение личным провоцирует двурушничество, ложь, коррупцию и интриганство.

При здоровом целеустремленном и динамически развивающемся государстве и общественных структурах нет раздора между частным и общественным, местным и общесоюзным. Возникающие противоречия своевременны и безболезненно поправимы. При застое развития, всё диаметрально наоборот; при этом ни частное, ни государственное руководство, ни национализация, ни интернационализация ничего не смогут изменить. Правила частного важны только в контексте максимального расцвета общественного сознания. Любое правило легко превратить в противоположность, топорно следуя букве. Примеров тому громады: частное право на владение рабами, крестьянами, средствами производства, жизнеобеспечения и «интеллектуальной» собственности. Подмена смыслов при сохранении слов исключают сознательное участие и развитие общего тех, кому эти смыслы скрыты.

Война дворцам

*Мы на горе всем буржуям –Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови — Господи, благослови!*

Как можно терпеть несправедливость? Безучастно смотреть на попираание человеческого достоинства вместо деятельного участие в войне против угнетения и зла? Эти и схожие призывы тревожат человеческое общество с момента его становления, но до сих пор не ведут никуда. Вопрос не в том, терпеть или не терпеть, а в том, как достичь лучшего.

Жизнь несовершенна. Полная изъязов, она импровизирует недостатками, пользуется примитивным для продвинутого, сочетает

несовместимое порою в абсурдных для логического осмысления комбинациях. Независимо от нашего восприятия, понимания и отношения к этим образованиям, каждый союз олицетворяет в себе синтез общего и индивидуального и выполняет определенные задачи для своих членов. Многие из задач и решений существующих объединений уникальны, исторически обусловлены и уже более неповторимы. Их разгром делает необходимым подмену целей и смыслов, чуждую его членам и зачастую несущую им смерть. Каким бы омерзительным нам ни казался чужой образ жизни, пока он самодостаточен и не агрессивен, нам не дано судить.

А как же праведность и справедливость?

Вопрос наивен. Разве львы не охотятся на безобидных травоядных, чтобы выжить, а люди не режут свои одомашненные растения и животных? Всё существующее провизорно. И тем не менее временное, до прихода лучшего, не перескочить.

Эволюция отвела человеку роль паразита, хочет он того или не хочет. Но он эту роль в корне видоизменил. Забирая жизнь только у тех животных и растений, которым он сперва эту жизнь обеспечил, человек выступает всё больше и больше не как нахлебник природы, а как творец, созидающий новый мир. Безусловно, в этом мире можно и должно очень много улучшить. Только кому в помощь отрицание фактов и их подмена судорожным акционизмом? Изгнать холёных животных из стойла в неизвестность, предоставить орошённые поля и леса палящему солнцу и ветру, прекратить защищать заповедники, самоустраниться за чужой счёт — не лучшее решение ни для людей, ни для жизни Земли.

Справедливость — это не каждому по желанию, а каждому по той роли, которую он готов перенять. Рецепт прост. Товарищей приглашают, с ними делят заботы и успехи. Кто с мечом придёт — от меча и падёт.

ДЕМОКРАТИЯ

*Власть исходит от народа, но куда она приходит
и откуда происходит, до чего ж она доходит?*

Говорят, демократия — «величайшее достижение и венец истории». Хотя это высказывание верно, большинство понимает под демократией то, чем она вовсе не является, явно пренебрегая её сущностью. Каждый подразумевает иное и прячет непонимание за громкими морализирующими фразами навроде: демократия это — центральное, определяющее, общечеловеческое, антиавторитарное, подавляющее **волеизъявление большинства**. Последнее утверждение с упором на большинство совершенно ложно.

Воля большинства, как историческое «достижение», вовсе не ново и уж совсем не прогрессивно. Решать многими за некоторых пытались всегда и тем строже, чем недоразвитие человечество. В каменном веке «отщепенцев» забивали камнями, во времена Маккартизма бросали в тюрьмы или лишали средств к существованию за их банальное желание понять иное и отход от общепризнанного. Современные демократии основаны не на давлении большинством, а на противоположном, на максимальном суверенном участии всех и защите индивидуального от посягательств воинствующего невежества.

Ух ты!

А как же тогда понимать первенство голосования над единичным? Разве не определяется демократия характерной, только ей присущей строго определённой структурой принятия решений.

Уже здесь начинается несуразица. Узязка >> размышление — выборы — постановление — контроль претворения << вовсе не эксклюзив демократии, а основополагающая последовательность любого поиска решения и на всех уровнях организации жизни.

Давайте разберёмся что к чему.

Кибернетика демократии

Жизнь — это созидание. Живое в отличии от неживого не давит, слепо повинуюсь законам физики, а изыскивает оптимальный для себя путь. Чем разнообразнее варианты предполагаемых действий, решительнее претворение и своевременнее корректировка (всё нельзя заранее знать), тем успешнее жизнь.

Решительности нужна воля. Общественная воля сконцентрирована в органах власти. Демократия — это механизм позволяющий разбросанные среди людей представления предельно чётко формулировать, дерзновенно осуществлять и в то же время чутко и своевременно подправлять, если результаты не соответствуют ожиданиям.

С организационной точки зрения демократия — это правление, чьё руководство:

- Приходит к власти исключительно на основе выборов.
- На определённое время и в оговоренном объёме получает мандат на реализацию выбранных замыслов.
- Регулярно отчитывается о своей деятельности.
- Несёт ответственность за происходящее перед избирателями.

Всё сказанное звучит солидно и верно описывает кибернетический контур, но не имеет отношения к сути демократии или к тому, насколько она хороша или порочна. Описанное устройство объясняет результативность, но не направленность выбранных структур. На тех же, вышеописанных принципах построены мафиозные братства и сообщества воров в законе, которых в человеколюбии ну никак не заподозрить. Хорошо задокументированная реальная история буканьеров с острова Гаити (XVII век) или поэтическое описание Либерталии на Мадагаскаре (XVIII век) наглядно показывают зловещий оскал технически безупречных демократий. Демократичнейшие друг другу, члены этих обществ были одновременно кровожадными бестиями всем остальным. Буканьеры сотнями выступали против испанских городов

и провинций, защищённых тысячами и десятками тысяч профессиональных и полностью экипированных солдат, и играючи побеждали, сея ужас и вырезая противящееся грабежу население. Банда действовала как слаженный, хищнический организм, в котором каждый делал то, что в данный момент было важнее, не дожидаясь приказов.

Может быть бандитизм и воры в законе ничего не значащая аномалия? — Нет! Любое обособление демократии, любая исключительность криминализирует её. Отдельные шаги зачастую невинны, переходы незаметны. Их результат всегда один — дедемократизация. В русском языке есть специальное слово для обозначения её неприглядности — дерьмократия. Мы не воспользуемся им не смотря на его наглядность, поскольку она затмевает суть происходящих трансформаций и не позволяет понять, что к чему.

Дедемократизация

*Каждый человек должен быть свободным
и иметь для этого рабов по Аристотелю*

Сократ вызвал громкий смех, выставив на голосование предложение «признать ослов лошадьми». Веселье прошло, когда он, наигранно сделав большие глаза, продолжил: «Но ведь афиняне проверяют то же с министрами, судьями или генералами!» Предчувствовал ли Сократ, что афиняне беспечно проголосуют и за его казнь, произнося такое? Наверное нет, иначе бы он не дразнил сограждан такими каверзами.

Сократ любил проясняющие разговоры. Он сопровождал их вроде невинными вопросами, ведущими к серьёзным выводам. Сократ не спорил и не поучал, а позволял каждому довести свою мысль до естественного конца. Он жил в эпоху смены тирании на демократию, искал правду, бывшую для него нравственной, и платился за это жизнью. При этом казнили его не тираны, которым

он лично досаждал, а сборище, для которого он был безразличен.

Как мог такой свободолюбивый народ античных Афин, проголосовать за убийство безобидного вопрошателя? — Преспокойно и без всякой суеты!

Все правила были соблюдены и нюансы запротоколированы. Сказанное тогда, мы можем дословно прочитать и сегодня. Даже перерывы на праздники были учтены.

Сегодняшние «демократии» сдерживают себя формальностями ещё меньше; они превозносят себя за то, что без зазрений совести сбрасывают бомбы на мирных жителей, сжигают детей напалмом, держат секретные тюрьмы вне всяких правовых норм, пытаются несогласных, устраивают шоу-процессы и распространяют ложь перед камерами. Они делают всё это, как бы с одобрения наблюдающего эту вакханалию «большинства». Как только что-то не так, страшили замещаются новыми куклами. Безобразия цветут и пахнут дальше.

Большинство не может ошибаться! Да ну? Большинство нельзя провести! Правда? С казнью Сократа вроде бы стало окончательно ясно, что голосование — это не только право на голос, но и индульгенция на его намеренное убиение. Что с того, что двое из трёх (волк и медведь) проголосовали за смерть третьего (лося). (У Сократа это соотношение было ещё эфемернее 281 против 220. Окончилось противостояние, кстати, сходно. Подстрекатели были позже разнесены, лишены прав и изгнаны. Сократ же вошёл в вечность.) Голосование — это инструмент и как любой инструмент (палка, молоток, спички, нож) его можно применить как ради, так и против голосующего. Чтобы защитить себя от шулерства, важно ещё до вступления в игру разобраться в том, как она протекает и что преследует. Что может, а что в принципе не может дать голосование?

Позволяет голосование выбрать истину? — Истину выбрать невозможно, на то она и истина. Труды Коперника, Галилея, Ньютона широко известны и особо не оспариваются. Однако, если бы их выводы зависели от согласия людей, то и сегодня не было бы

гелиоцентрики, маятника и физики твёрдого тела. Наука и политика недалеко друг от друга. В реальной политике требуется не меньше прозорливости. Правду выборами не найти. А вот цензура всегда пользовалась «заботой о большинстве», прикрывая низость власти — мнимыми общественными интересами.

Может важно, как и что преподносится для правильности его оценки и выбора наиболее предпочтительных вариантов? — Ни один жулик не придёт к вам с исповедью своих намерений. Наоборот, он будет красноречиво и с пылом доказывать вам, что все его послы служат только вашим и высшим интересам. Поэтому как раз самые отвратительные мысли преподносятся нам милосердными и заслуживающими симпатии лицами.

Может быть, выборы определяют, что и как надобно делать? — Пекарь, электрик, архитектор и авиатор учатся у мастеров, а не у клиентов. У клиентов они спрашивают, нравится ли ими созданное, а не что и как созидать. Знания и средства для собственного мастерства они ищут в других местах и у иных умельцев.

Политики — ремесленники государства. Голосование мало помогает при выпечке политических реалий. А вот ссылка на результаты поверхностных мнений позволяет опрокинуть любой закон, любую традицию и норму сообщества, опираясь на колебания голосующих, да и то не всех, а выборочных, и в зависимости от того, какие результаты желательны для организаторов.

Может Сократ исключение, а суть демократии в особой восприимчивости толпы к справедливости? — Нет ничего безмозглее и страшнее! Потрясения и революции полны примерами мерзости плебса, но ни одного обратного. Преступник чувствует себя безнаказанным и защищённым толпой. Смотрите, не я это сделал, этого требовал народ. Я только ревностно исполнил его святую волю. Совесть же любит собранность, независимость и тишину уединения, а не крики Линча.

Разве голосование не проявление народной воли? — Не надо путать волю и настроение. Воля проявляется в незыблемости реализации, а не во всплесках подогретых, зачастую, проплаченных эмоций.

Разве голосование не уравнивает старых и молодых, немощных и сильных, позволяя здоровому пробиться? — Всё это побочное. Свобода нуждается в людях, которые её любят, ни на что не меняют, следуют своей совести против давления, в том числе и со стороны «проголосовавшего большинства». Истинная демократия опирается на людей, которые не просто ставят крестики на терпеливой бумаге, а голосуют трудами, заботами и радостями, каждым вздохом, всей своей жизнью за дело, которому они себя посвящают.

Люди, прожившие век, не выберут дважды Гитлера. Там, где опыт предыдущих поколений отсутствует, отсутствует и свобода. Мы видели, как ещё совсем недавно в Африке и Азии кровавые революции проводились вооружёнными 12–20 летними, по сути, ещё детьми. С исчезновением (или разбавлением) научных историческим опытом поколений сила волеизъявления всё более блекнет. Правительства уже не оглядываются и не боятся чьих-либо возражений, пока не вырастут новые свободолюбивые поколения. Молодость падка на демагогию.

Но разве право голоса — не есть право свободы!

Свобода бывает разной. И не к каждой следует стремиться. Особенно, когда свобода одних выстраивается на порабощении других. Противоположные устремления плавно переводят демократию в диктатуру большинства (национального, католического, пуританского, буржуазного, пролетарского,). Всё это уже было. Примеры этих диктатур (Кастовые сообщества, Папство, Цвингли, Наполеон, Большевики) ярко проявились и прекрасно задокументированы в истории. Чем шире массы на которые такие диктатуры опираются и чем непреодолимее препоны между отдельными группами, тем жёстче их беспредел. Последнее особенно чётко видно на ещё не затянувшихся телесных и духовных ранах, нанесённых фашизмом.

Фашизм

«Триумф воли»

«Наше дело», воры в законе, семьи «Коза ностра» разрастаются порою до международных преступных синдикатов. В большинстве случаев общества заражённые ими очищаются от гнилостного до того, как громилы разгуляются и открыто выйдут на политическую сцену. Фашизму же удалось подняться до высшей формы демократической государственности и даже европейского рейха.

Начала были романтичными, точнее рядились в возвышенное. Итальянский фашизм выбрал символом своего движения связки (fascis) прутьев, которые носили в виде пучков почетные стражники римских (кстати выборных) магистратов. Отсюда обозначение фашизм. Слово наглядно выражает суть. «По отдельности каждого можно согнуть в дугу или просто обломать как пруттик. В связке же мы непобедимы!»

Фашизм поднял знамёна борьбы за общность, силу, красоту, свободу, моральную и культурную чистоту. Требовал самоотдачу каждого общему. Возносил особенно выдающихся выразителей в пантеон почитаемых вождей, собирающих вокруг себя робких, непоследовательных и ещё незрелых отроков. Неумолимо крушил препятствия и врагов на пути к «народному благоденствию».

Всё, от начала и до конца, нагло инсценированная ложь и красивая картинка под дулами ружей! — утверждают либералы.

Инсценировано? — Не без театральности. Фашизм любил грандиозные сцены. А вот ханжество и преднамеренное враньё, основанное на принуждении и угрозах расстрелов — вовсе не главное, В целом грубая сила была даже менее востребована в фашистском государстве чем в «западных демократиях». В 1935 году численность всех, именно всех сотрудников Гестапо составляла 4200 человек в центральном аппарате и на местах. В то же время страну с большим полицейским аппаратом и числом заключённых чем

в США даже в истории не просто найти. А вот искренняя поддержка фашистских режимов была феноменальной.

Референдум в Сааре 1935 г. с 90,7% голосов «за», референдум в Австрии по аншлюсу с Германией 1938 г. с 99,73% голосов «за» и при явке в 99,71% в Австрии и 99,56% в Германии неоспоримо подтверждают широкое одобрение. Такие результаты можно было подчистить, но не в такой мере исказить. Восторг итальянцев при объявлении Абиссинской войны и провозглашении империи 9-го Мая 1936 года были менее точно измерены в цифрах статистических анализов и всё же не менее правдиво задокументированы в кинохронике и дневниках современников. Люди не просто танцевали от восторга. Молодожёны отдавали их обручальные кольца для финансирования захватнической войны. Всё это результат манипуляций, устрашения и лжи?

Наоборот! Фашизм отвергал обман как средство политики. Компромиссы, тактирование, маскарады, обходы и сделки были ему ненавистны. Фашизм требовал максимальную открытость, ясность, последовательность и честность в своих высказываниях, а также бескомпромиссную твёрдость в претворении своих намерений, да и во всех деяниях. Этой своей ясностью и открытостью он привлёк большую часть своих последователей.

Книга Раушинга «Говорит Гитлер. Зверь из бездны» (вторая часть названия добавлена издателем) 1932–34 гг. особенно интересна в этой связи. Раушинг знал Гитлера лично, был его восхищенным последователем и стал непримиримым врагом. Возникнув в эмиграции и предназначенная для антигитлеровской пропаганды в преддверии второй мировой войны, книга содержит ряд явных вымыслов. Но что бы Раушинг не сообщал, он везде подчеркивает абсолютную откровенность фашистской идеологии. Фашизм ничего не прячет, а вместо этого навязчиво выставляет свои помыслы, как заядлый эксгибиционист. Всё сказанное Гитлером в книге «Моя борьба», все фашистские лозунги и прокламации не какие-то там отвлечённые метафоры, сказанные для красного словца на публику, а жёсткие директивы к действию.

То же верно и в отношении всех остальных документов и прокламаций фашизма. В настаивании на аутентичности нацизма Раушинг оказался совершенно прав. Фашизм довёл все предшествующие поползновения дедемократизации до логического конца. Сделал ли он их последовательнее — нет, отморозеннее.

О ужас! Уже только одно предположение, что фашизм может быть искренен, что он основан на тех же принципах, что и современные демократии и только более последователен в их применении — бросает в озноб. Ведь тогда получается, что и наше поле удобрено тем же навозом и отдаёт тем же душком. Особенно неуютно становится от этой мысли при созерцании событий, приведших к второй мировой войне и её последствиям. Не может быть, чтобы смертельные враги в лице фашизма и «западных демократий» пользовались теми же инструментами. Ведь должно же быть что-то принципиально иное между обоими! К примеру, фашизм всегда провозглашал себя врагом парламентаризма и последовательно боролся с ним. Разве уже не в этом проявляется принципиальное различие?

Так-то оно так, но разве не грызутся парламентские фракции друг с другом по любому поводу, да и без повода, со смыслом, да и без смысла, лишь бы нагадить оппоненту? Так в чём же разница в непримиримости или в успехе устранения противников? Фашизм всегда подчеркивал неприемлемость поверхностной склоки малочисленных групп и группок. Он настаивал на сплочённом волеизъявлении большинства в руководстве. Разве не ту же сплочённость ставят во главе угла «западные демократии» против их предполагаемых или просто провозглашенных врагов? Ввести 1933 г. «Закон против образования новых политических партий» — не вопрос, вопрос как найти большинство, которое этот закон поддержит и претворит в жизнь.

Основами фашистской государственности являются:

— Замена личной совести, духовности и порядочности общественным консенсусом.

— Безоговорочное верховенство большинства над личностью.

Непосредственное и неограниченное применение этого права к каждому без исключений и при всех обстоятельствах.

— Удаление любых преград, мешающих выражению «народной воли» как то: бюрократических процедур, социальных различий, исторически обусловленных законов, традиций, религий и мировоззрений.

При таких условиях, размежевания и разборки отдельных партий, сословий, профсоюзов и предпринимателей становилась непереносимыми. Их заменили Дополоворо, Пимпфы, Гитлерюгенд, «Сила через радость», Чёрные рубашки, СА, СС и прочие. Всё сопротивляющееся и настаивающее на своей самостийности тут же распускалось, даже если речь при этом шла об ультраправых националистических объединениях, вроде «Стального шлема» или попытавшейся взбрыкнуть верхушке СА. Всё, что оказывало малейшее противодействие (верования, масонство, социалисты, коммунисты, роялисты) изолировалось или в корне истреблялось.

— Устранение социальных, экономических, политических, культурных и природных особенностей, могущих отделить личность от большинства. В идеале для всех та же еда, та же одежда, те же условия быта. Паёк фельдмаршала и солдата должен быть один. Портной для их униформ — тоже.

— Создание прозрачного человека задолго до эры компьютеров и тотальной цифровой слежки. Даже нагота и интимность не вписывались в фашистское мировоззрение, мешали и были объявлены врагом общечеловеческого. Лишь то, что можно нести открыто и публично заслуживает уважение и поощрение как источник народной силы и здоровья. Все отклонения достойны не порицания (от этого они только спрячутся) а искоренения. Эвтаназия и преднамеренное, планомерное истребление стали синонимом стремления к высокому. Пафос монументального фашистского искусства, эстетики, спорта — зашкаливает.

— Кристаллизация аморфных, ещё неоформленных масс вокруг наиболее выдающихся представителей большинства (Duces, Führer = Вождей). Вместо правил и законов на первое место

ставилось личное руководство: «Будь примером. Пример заменяет тысячи предписаний!» Или призыв «Mehr sein als scheinen = Будь, а не кажись!» стоял выгравированным на клинке наградного кинжала СС у охранников концентрационных лагерей, руководителей айнзатцгрупп и ваффен-СС.

Конечно, напрашивается возражение, что фашистские решения «большинства» были вовсе не демократичными, в том смысле, что поднятыми и признанными голосующим большинством, а были навязаны людям грубой силой, что в корне не верно. Они были более чем признанными. Они были народными. Во-первых, фашизм с удовольствием прибегал к разному виду голосований и референдумов для усиления своего влияния, во-вторых, он спрашивал непосредственно у рычащей улицы, что она хочет, а не у запуганного и прячущегося в своей каморке мещанина, готового согласиться и подписать всё что угодно, лишь бы его не трогали. Правда при формальных выборах одиночка может запереться в отхожем месте, не прийти, неправильно заполнить бюллетень или совсем не заполнить. Фашизм привёл выборы в любой закоулок, любой дом, любую семью, сделав их всеобъемлющими и неизбежными, заставив каждого обрести лицо.

Фашизм предпочитал массовые марши, демонстрации и факельные шествия каким-то там урнам и записочкам, не брезгуя последними. Воля народа проявлялась непосредственно и более чем наглядно в массовых сходках, демонстрациях, маршах и парадах. Просто так, неподвижно стоять посреди кричащей толпы, вздёрнувшей вверх руки римского или гитлеровского приветствия, представляло намного больший афронт большинству, чем любые голосования или высказывания за закрытыми дверями. Толпа расправлялась с такими чужеродцами, не обращая внимания ни на что, да и не удерживаемая никем. Наоборот, своеволие улицы всячески поощрялось.

Рёв народа на „Fogo Italico“, на площадях Нюрнбергских партийных съездов (во времена взлёта) или в Спортивном Дворце 1943 г. (на скате, когда смерть после Сталинграда уже прочно

вошла в каждый дом) невозможно приказать, или подтасовать. Хрустальная ночь и сожжение книг на Опернплатц из той же когорты. *«Пусть никогда не погаснет яркое пламя нашего восторга — именно оно даёт свет и тепло созидательному искусству современной политической пропаганды. Только оно исходит из самых глубин нации, и, в них же, оно должно искать свои корни и черпать силу. Может и неплохо, обладать властью, дарованную силой оружия, но гораздо лучше и радостнее завоевать сердце народа и не терять его.»* Геббельс был предельно искренен в каждом своём слове и сделал всё от него зависящее, чтобы разжечь это пламя в каждом немце.

Фашизм уходит своими корнями в культуру. Культура построена на принуждении к её посылам. Вот только заповеди культур проверены и опосредованы предыдущей историей, в то время как фашизм опирается на незрелые представления большинства в теле итальянского этноса, или ещё более строгого обособления «немецкой расы» в рамках нацистской идеологии и «научного» дарвинизма. Ariernachweis или «Свидетельство об арийском происхождении» были необходимы для мало мальской общественной деятельности, но уже не выдавалось, если один из родителей или прародителей не являлся «арийцем». (Приблизительно тоже прописывают «негражданам» прибалтийские последователи сегодня). Неоспорим тот факт, что фашизм нашёл наибольший отклик среди культурных народов. Удивление по поводу того, как мог распространиться фашизм среди наций великих мыслителей, поэтов, музыкантов и учёных — неправомерно. Именно правило подчиняться высшему, делало их особенно чувствительными к заре согласия, навязанного большинством.

Фашизму можно справедливо поставить в вину излишние брезгливость и чрезмерную чистоплотность, а вот стремление к косметике, к ретушированию и приукрашиванию — чужды фашистской эстетике. Упрёк притворства совершенно не заслужен. Фашизм предельно откровенен в своих стремлениях. Его главная цель и посыл — это безусловное подчинение личности общественному.

Большинство, народ, народная общность имеют абсолютное превосходство над индивидуумом. Личность может самоопределяться и развиваться только с ней и в ней.

История показала, что скрывается за этой внешне романтической формулой — концентрационные лагеря, фабрики смерти для инакомыслящих, «Дранг нах остен» и к мировому владычеству, порабощение и истребление всего живущего по иным канонам.

Ценою невероятных жертв человечество пережило эту, наверно самую тёмную страницу своей истории, и очнулось из фашистского мрака. Правда не везде и не во всём. Фашизм как таковой не потерял своей привлекательности для многих политиков и сегодня. Его открыто проповедуют в Прибалтике, в Италии, да и в Европе и Америке в целом, перефразируя и втискивая его постулаты везде, даже там, где вроде бы с ним борются «псевдодевые», по сути, фашиствующие бесы. Национал-большевизм Лимонова не менее наглядный пример.

Фашизм может подняться до вершин могущества, он может сделать сильным, каждого кто ему следует и тем не менее он не жизнеспособен. Сила позволяет легче воплотить предпринятое, найти истинное — сила не в силе. Наоборот, триумф воли (без разума) накладывает кандалы и цепи сознанию и убивает духовное и душу. Люди принуждаются стать слепыми инструментами и органами сверхорганизма, у которого, увы, ни своих мозгов, ни сознания, ни духа нет, да и на этой стадии биологического развития быть не может. (Для последнего необходимо телесное сращивание геномов и возникновение новой формы жизни как это было у эукариотов. Такого на сегодняшнем уровне эволюции уже не проверить. Более возвышенное и действенное духовное не позволит.) Строгими колоннами, чеканя шаг и гордо размахивая знамёнами фашистские пособники собираются в тучи саранчи и маршируют как лемминги к неминуемой пропасти. Демократии им не враги — они их с лёгкостью подминают.

Получается, куда ни ткни при сравнении фашизма и демократизма — везде только сходство. Но даже если и всё сказанное

верно, правомерно ли вообще указывать на схожее в фашизме и современных демократиях? Так геномы человека и шимпанзе совпадают на более чем 98%. Тем не менее вряд ли кто-то хоть на мгновение усомнится в принципиальном различии обоих существ. Не правильнее было бы заострить внимание на несомненных отличиях, вместо того чтобы подчеркивать сходства? На каких например?

Разве не отличается фашизм от демократии уже жестким временным ограничением мандатов последних? Даже если принять во внимание, что Рузвельт продержался бессменно у власти столько же, а Аденауэр и Меркель даже дольше Гитлера, всё же их выбирали каждый раз заново, а Гитлер после прихода к власти 1933 г. стал безальтернативным. Аргумент так себе. Во-первых, если бы Гитлер провёл выборы, то он был бы выбран с разгромным счётом для любого теоретического оппонента, во-вторых, длина и объём мандата не имеют никакого отношения к большей или меньшей демократичности.

Мандаты

В 1917-ом на восточном фронте немецкий офицер описывает картину, приведшую его в крайнее удивление. Рота русских революционных солдат пошла в атаку на его позиции, но залегла под пулемётным огнём и огнём орудий. Далее произошло нечто необычное. Недалеко от вражеских укреплений солдаты в воронках начали перекрикиваться и поднятием рук голосовать за то, продолжать ли наступление или оборвать его.

По-видимому, первым решением было продолжить атаку. Солдаты поднялись, но тут же вынужденно залегли под огнём и, оставив многих убитых на поле боя, поползли назад по жиже, размочшей от дождя и перепаханной взрывами земли.

Что это было? Чистейшая демократия или полная идиотия? И то и другое одновременно.

Но к чему вообще правление? Нельзя ли передать эту функцию непосредственно народу, перепрыгнув посредников. Почему сразу не решить все предстоящие вопросы голосованиями и референдумами и не искажая властвующими посредниками исполнить? Потому что постановления, какими детализованными они бы не были, сами по себе ничего не меняют. Всё желаемое ещё нужно претворить.

На что-то решиться и довести до конца — это разные вещи. Кроме того, желаний много, а времени и сил мало, за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. Порядок и соразмерность предпринимаемого целям и возможностям важны не менее самих целей. Выбор ведущего, ответственного за претворение переводит терзания в плоскость конкретных решений.

Мандат — это предоставление полномочий в оговоренном объёме средств и времени, необходимых для достижения конкретных целей. Выборы и предшествующие обсуждения служат поиску наиболее подходящих кандидатов. Мандат ограничен кругом задач. Длительность мандата не имеет отношения к тому, насколько он демократичен или нет. Мандат должен быть достаточным, чтобы завершить предпринятое.

Различные задачи требуют различных мандатов. Одно дело подготовка праздника или перехода через горный хребет. Другое дело повседневная организация армии, медицинского снабжения, науки, культуры или религии. Поиск для всех этих областей общественной деятельности универсального и для всех времён и условий оптимального мандата — несусветная глупость. Но поскольку все эти предприятия финансируются из общего котла, то и общее соразмерное управление более чем целесообразно. Именно для последнего важно чёткое определение мандата большинством налогоплательщиков. Эта общая надстройка, представленная сенатом, магистратом, парламентом, советом, думой (или как-то ещё названными выборными управителями) распределяют средства, не вмешиваясь в чужие мандаты, их длительность и объём. Выбор академиков, религиозных, военных званий, руководителей

учебных, научных, промышленных заведений независим и следует собственным исторически оформленным целесообразностям. Да, правительство может назначить кого-то маршалом, царём, императором, судьёй (примеров тому много), а вот сделать их таковыми оно не может. Для этого нужно внутреннее подтверждение мандата именно этими структурами и соответствие ему.

Сравнение общих и специальных мандатов показывает, что выборность никакое не исключительное качество демократий, а универсальное средство для получения любого общественного поручения. Различия соответствуют специфике задач. Некоторые мандаты выдаются на день, как для принятия парада, другие на длительность жизни или даже длительность династии, как при наследственных монархиях. Все эти представительства без исключения были когда-то и кем-то выбраны. Пока они соответствуют своему предназначению, повода для отставки/отречения и перевыборов нет. Кстати, не только царствующие персоны и понтифики выбираются на длительность жизни. Так же пожизненно выбираются верховные судьи. Да они могут потерять свой мандат, но не вынуждены переизбираться. Почему это делается пожизненно? Потому что они отвечают за сохранность традиций — а что может быть надёжнее в этом плане чем длина жизни.

Современная государственность состоит из пёстрой мозаики специальных, исторически возникших, оправдавших себя в отдельности и взаимно дополняющих учреждений. Их состав не определяет, насколько они «демократичны». Сегодняшние монархии Японии, Испании, Норвегии, Бельгии, Дании, Швеции, Великобритании, Канады, Австралии и многие другие доказывают это. Разница между правлениями, выбранными на короткое время и царственными династиями не принципиальна, пока все выборные структуры соответствуют своим задачам и поручениям. Проблемы начинаются, когда они действуют друг против друга вместо того, чтобы служить общему делу в соответствии с их ответственностью перед сообществом.

Отчётность

Кьеркегор жестко осуждает демократии за их якобы полное отсутствие подотчётности. В то время как любой чиновник или военный отвечает головой за свою работу — результаты демократических действий безлики. Найти виновного как правило не представляется возможным. Их исполнители не несут ответственности, а только указывают на волю избирателя. Если что-то идёт не так, а то и вовсе выходит боком, причиной оказывается избиратель.

Кьеркегор творил полвека после Великой французской революции, да и в стране, не особо затронутой народными волнениями. Воспоминания о том, как не созревшие и провальные решения выбранных, приводили их на гильотину или гнали в изгнание, стёрлось в памяти живущих и уже полностью отсутствовало у современников. В его время демократия расправляла крылья и шла под полными парусами, её капитаны могли позволить себе колоссальные глупости и выходили не смотря на все крены государственности сухими из передраг. Отсюда и уверенность Кьеркегора в вседозволенности выборного люда (как, впрочем, и уверенность либералов в безнаказанности бездарных чинуш). Ни то ни другое не верно. То, за что Кьеркегор осуждает демократию, не признак демократии, а её дедемократизации.

Любая, незаслуженно обрётённая и веянием времени пожалованная, власть склонна к заносчивости и приписыванию себе превосходства, которого у неё нет и в помине, а даровано должностью. Каждая должность — это прежде всего долг. Вступающий в должность перенимает не только привилегии, но и ответственность. Вообще-то отчётность перед выборщиками — это основополагающий принцип демократии. В реальности этот принцип часто обходится или превращается в свою противоположность. Редко правительства и правители после выборов предстают перед выборщиками, чтобы ответить на их вопросы, объяснить, что происходит и оправдать, что они собственно, предпринимают. Как правило эти задачи передаются на откуп пресс-релизу, оформленному строго по

лекалу — мы говорим, вы слушаете. Вопросы и ответы подаются, фильтруются и перефразируются заранее. Всё это явные признаки дедемократизации и мера того, как далеко последняя зашла. Для демократии, как и любой общественной организации важно, чтобы личная ответственность не спихивалась, а оставалась у исполнителей. **Ответственность лежит не на тех, кто за что-либо голосует, а на тех, кто воплощает исполнения в жизнь (как в хорошем, так и в плохом). Право голоса только тогда существенно, когда оно заключается в праве наказывать нерадивость, ложь и злонравие облачённого мандатом правительства.**

Указание на то, что сами выборщики стоят за решением — превращает демократию в фарс. Совершенной катастрофой оказывается подмена ответственности. Там, где выборы служат оправданию бездарности или даже злонамеренности власти, следуя принципу, это не мы, это же вы так хотели — демократия перерождается в карательный меч диктатуры. Тоталитаризм, достигаемый такими диктатурами несравненно жёстче любых предыдущих форм тираний. Поставить на голосование можно всё, включая само право на голосование. Ничто при этом не оказывается защищённым — ни конституция, ни право на жизнь и самостоятельность во мнении, поступках и поведении.

Мы видим это на таких декретах, как закон о защите немецкого народа (Нюрнбергские законы 1933 г.), и совсем недавно на законах об обязательной вакцинации «О защите от инфекций», принятыми в той или иной форме выборными правительствами большинства стран мира. Эти, вроде «демократические» процедуры, обнулили в одночасье все исторические достижения личных свобод предыдущих эпох. Всё что для этого было нужно — это посеянная паника, медийные устрашения, беспросветная ложь и открытое насилие над инакомыслящими (штрафы, угрозы тюрем и реальные сроки для протестующих, лишения профессий для непослушных или просто вопрошающих). Если не получалось добиться желанного с наскока, проводилось повторение голосования там где нужно, с теми кому нужно, пока не выходило, то что нужно.

Всё несоответствующее замалчивалось и отсеивалось, как неподобающее «демократиям». Такой подход позволил «легально» попира́ть все основные законы ссылаясь на особенность ситуации. Мы всё это недавно пережили и наблюдаем каждодневно за дальнейшим развитием. В условиях, при которых ответственность перекладывается на выборщиков, а руководство при этом, как бы ни при чём, какого бы барана овцы себе не выберут, направление стада решается стоящими за урнами пастухами. В самом деле. Если выбранным «представителям народа» вздумается приняться за исполнение чаяний именно этого народа, то они рискуют своим состоянием, своим хорошим именем (их просто оболгут, затравят, а то и засудят) и даже жизнью (тайные службы всегда при деле и у них много разных не очень чистых, зато действенных инструментов). Служа народу, его представители вынуждены лавировать, притворяться, делать так, чтобы никто не знал, куда они направляются. «Никогда не допускайте, чтобы ваша левая рука знала, что делает правая», — поучал президент Франклин Рузвельт своего любимца Г. Моргентау-младшего. «Какая я ваша рука?» — спросил Моргентау. «Правая, но левую я держу под столом», — невозмутимо отозвался президент. Всё строго по Оруэллу.

Если же избранные наплюют на предвыборные обещания, открыто пренебрегут тем, что от них требуют незримые и далёкие выборщики, а вместо этого займутся продвижением интересов их коррумпированного окружения, поднявшегося (не важно какими средствами) на вершины влияния, то максимум, что им за это может прилететь, это потеря следующих выборов при сохранении доходов и приобретении выгодных мест в акционерных обществах, университетах и разношерстных неправительственных фондах, созданных их закулисными попечителями. Такой исход не так уж горек и оставляет более чем обоснованные надежды уже завтра снова оказаться внутри обоймы и самой кормушки. Поэтому не мудрено, что на наших глазах, ярые противники НАТО становятся его генеральными секретарями и мы видим, как бескомпромиссные в молодости пацифисты, либералы или зелёные «идеалисты»

(не успев прийти к власти) тут же развязывают войны, вводят законы против «неправильных» мнений, учреждают тайные тюрьмы и службы защиты «демократических ценностей», отравляют воду газовым трекингом, а воздух серным дымом бурого угля (ради экологически чистых электрических машин и водорода). Сердечное согласие с закулисьем приятнее, спокойнее и доходнее, чем какие-то там мнения беззубых избирателей.

Забастовки и акции протеста при таких условиях служат уже не первоначальному смыслу, а становятся клапаном для спуска пара и низводят праведное возмущение до карнавала придурков и сумасшедших. Пусть побесятся и растратят в пустую силы. Наоборот, власть имущие с удовольствием присоединяются к демонстрирующим и встают в первых рядах, ради хорошей картинки. Если нужно, они организуют массовки и направляют их специально обученными мессенджерами, профессиональными ведущими и крикунами с театрализованными хорами. Опасности от этого им никакой. Если что не так, то распустить такие «антидемократические» сборища не представляет особой трудности. В случае чего в ход идут резиновые пули, шумовые, световые и газовые гранаты, аресты и увольнения. Демократии любят массовки не менее, чем античный Рим любил гладиаторские схватки.

Отсутствуют спонтанные выдвижения, самое время организовать собственные. Протесты, опросы и даже простые обсуждения, скажем в интернете, используются для выявления и уничтожения противников, позволяют целенаправленно изолировать и диффамировать их.

Свобода начинается с независимых решений личности и нуждается в законах, оставляющих человеку место для размышлений и действий, законов, которые неподвластны дискуссиям и голосованиям.

Свобода кончается там, где право толоса используется для предписаний и затыкания отдельных голосов, для низведения чьей бы то ни было личности до шестерёнки в маховике какого-нибудь большинства.

Свобода слова

- *Прошу слова! — Чего? — Слова. — Шутит! Он шутит!*
— *Господин Дракон, это явная шутка,
такое нельзя сказать всерьёз.*
— *Зачем тебе слово? Чего ты с ним будешь делать?*
— *Все-таки, если нельзя протестовать,
...то хотя бы поспорить.*

Духовная жизнь общества позволяет порождать многообразные мнения. Дискуссии по вопросам политических видений формируют накопленное в общественном сознании до конкретных предложений. Чем шире обсуждение, тем разнообразнее результат. Правду таким образом не найти, а вот мечты в их общих чертах вполне возможно обрисовать.

Разнообразие — важнейшая предпосылка, неординарных решений. Только оно позволяет разносторонне охватить проблему и наметить новые подходы. Всё плохое и хорошее, «правильное и неправильное», «возвышенное и отвратительное» должно быть доступным восприятию и проверке источника, не боясь слежки и преследования. Демократия обязана максимально освободить свободу высказывания и защитить это право от поползновений власти, большинства и высокомерия всезнайства.

Конечно, при этом может выплеснуться гнусное и в корне лживое. Но и эти пороки не менее важны выверенных наукой фактов. Они наглядно показывают мирок их пророков и приучают слушателей внимательно следить за делами и истинными намерениями, а не за пустословием ложных увещеваний. Там, где свобода слова приносится в жертву морали, политической корректности, этичности, life-matters, хорошим намерениям, защите здоровья и персональных данных — именно там волеизъявление превращается в смирительную рубашку сознания, разобщающую общность и позволяющую только взгляды, проштампованные цензурой. Учредители балаболят обо всём, кроме предметов важных для становления личности.

Всё отличающееся и самостоятельное отрицается, порицается или штрафуются.

Во времена откровенной цензуры и запретов плодятся иносказания и тайные сообщества. Последние возникли из стремления избежать контроля. Их возникновение, развитие и деятельность порою не менее разрушительно для сообщества, чем сами запреты на свободу волеизъявления. Чтобы не дать тайным обществам почву для злокачественного роста любое самообразование, доступ к книгам, обмен знаниями и мнениями, переписка и волеизъявления личности должны быть защищены законом. Там, где кто-то вышестоящий затрудняет общий доступ и руководит потоками легко достигаемого, предварительно отфильтрованного знания (например, через количество подписчиков, достижимость аккаунтов и ссылок, списками запрещённых и тут же автоматически блокируемых слов, оплаченными ботами) — диктатура уже в полном расцвете.

Балаганище

Мы уже упоминали тот факт, что никто из властвующих не пришёл к власти без того, чтобы его кто-то ранее для этого не выбрал. Но чем же тогда одни выборы отличаются от других? Какие из них демократичные, а какие нет? Кто и как об этом решает? Может особенное истинно демократических выборов заключается в числе голосующих? Ведь короли, понтифики, императоры и династии избирались ограниченным числом правомочных. А вот за кандидатов в Европейский парламент голосуют все граждане Европейского союза. Разве не в этом таится истинная близость к народу Европейских парламентариев (которых никто никогда не видит, да и не знает кто они и чем они, кроме сомнительных делишек, занимаются). Разве отсутствие выборности не обуславливает отдалённость монархов, например тех же Люксембурга или Монако? (Которые вообще-то у всех на виду и не гнушаются прямого общения даже с прохожими).

ТРИУМФ ДУХА

А не взять ли всех людей нашей планеты, дать им проголосовать и подчинить центральному, в результате такого голосования выбранному правительству, экстерриториально расположенному в Гааге, Давосе, Манхэттене или где-то ещё? Разве не станет такое правительство самым демократичным из всех демократий?

Уже по иронии, сквозящей в этих вопросах видно отношение автора к прожектёрству такого рода. Какой смысл имели бы всеобщие выборы для назначения академиков, священников, генералов, князей? Да, их деятельность касается всех. Но какую роль играют «эти все» к примеру в конкретной деятельности учёных? Станет ли их деятельность лучше, если учёных, священников и генералов будут выбирать поголовно все?

Свобода слова измеряется не числом проводимых дискуссий и **голословных голосований**, а реальными возможностями развития, которые общество делает доступными своим членам и гарантирует по закону и против прихотей большинства. Выборы являются выражением суверенности личностей, участвующих в них и в претворении их постановлений, а не определяют число согнанных овец.

Голосования ради подъёма и опускания рук или ради большего числа бюллетеней являются чистой воды профанацией. Демократические учреждения вырастают из конкретных задач и консолидирующихся вокруг них полноправных участников, а не из тумана мошенничества числами «мертвых душ».

Демократия нуждается в праве собственного выбора мышления, соратников и деятельности, а не в праве беспрекословного подчинения профильтрованному «правильному», чем бы оно себя не оправдывало. Право голоса заключается не в праве навязывать определённое мнение, а в свободе выявления и консолидации неординарных видений, в возможности высказаться без страха о последствиях, и в праве отстаивать своё мировоззрение. Самое же главное право голоса — это право призвать к ответу зарвавшееся представительство.

При обсуждении различных аспектов современных демократий мы пока вольно-невольно останавливались на негативе. Выдвинутые обвинения многочисленны и все без исключения горьки. Это не удивительно, поскольку речь до сих пор шла о заблуждениях, насаживаемых демократизаторами: фашизмом, криминалом, диктатурами большинства и прочими трансформациями.

Но ведь это не может быть всем сказанным по поводу демократии. Ведь что-то должно быть возвышенного в демократии, что делает её желанной и даже жизненно важной для участников. — Несомненно!

Самое важное в демократии это суверенитет личности и уважение к чужому, а не выбивание послушания сворой.

Демократия связывает взаимодополняющее, вместо того чтобы, доминируя критической массой, уничтожать более слабое и противоборствующее. Пусть каждый кто хочет внесёт свою лепту как только может и пусть противящийся ищет свой собственный иной путь (вдруг он окажется лучше).

Иными словами: **ДЕМОКРАТИЯ — это участие, диктатура — это насильственное подавление и исключение.** Как эти цели достигаются технически важно, но не принципиально. Выборы и голосования великолепно подходят для продавливания и возведения беспощадных диктатур. В то же время демократии, свобода голоса и равноправие перед законом зачастую возводились авторитарными правительствами без обсуждения с будущими участниками.

Религиозные ордена, пираты и мафия, воры в законе, фашизм, хиппи и фрики-альтернативщики — все они могут пользоваться инструментами присущими демократиям, не становясь таковыми.

Демократия — это предельная открытость и направленность устремлений на **самостоятельное развитие всех участников.** Так же как и дух человечества, демократия обогащается от каждого присоединившегося к ней самородка.

В античной Греции право голоса было ограничено свободными горожанами (рабы по Аристотелю рассматривались как говорящий скот). Граждане других городов не имели прав и считались потенциальными противниками. Решения голосований в одном городе-государстве не имело последствий для всех остальных. Срастание сообществ было в этих условиях возможно или за счёт доминирования одного из городов (Афин или Спарты), или за счёт поглощения узурпаторами, как-то Дарием или Александром.

В Римской империи право выбора распространялось на патрициев всей, сперва довольно обозримой республики, позже к нему частично присоединились плебеи. Власть сената и магистратов опиралась на всю территорию римской унии и позволила Риму вырасти до империи. Императоры были ещё немислимы и всё же уже неминуемы. Неумение распространить демократию на все римские владения привело к централизации и упадку Рима. Ограниченная Италией, Римская республика не нашла в огромной Римской империи достаточно людей, готовых её отстаивать, зато нажила бесчисленное число врагов, ненавидящих римское чванство.

Право на собственное мнение невозможно аннулировать. Пренебрежение умаляет не чужие, а пожирает собственные возможности. Противодействие провоцирует и лелеет закон сильного, подпитывая деспотии и военизированные народности. Рим пал не в противостоянии с лучшим, а в противостоянии с бесчисленным иным. Демократия при этом не погибла, она распределилась иначе. Вместо одной империи возникли суверенные государства. Рядом с князьями, королями, монархиями сосуществовали и развивались далее сельские и городские общины, двор, советы, рейхстаг германских земель, ганзейские и другие союзы.

Парламентская монархия, возникшая после Славной революции в Англии (1688), подарила стране 200 лет небывалого расцвета и позволила распространить свое влияние через все океаны.

Цензовое избирательное право, привнесённое Великой французской революцией, достигло новых рубежей.

Начиная с него, вперёд вырываются государственные формирования, всё полнее развивающиеся и опирающиеся на всеобщее избирательное право. Общества, не поспевающие за ходом истории или даже тянущие назад, разваливались или даже тянущие назад разваливались или оказывались на периферии прогресса. Был ли у фашизма реальный шанс? Нет. Сумеют ли вездесущие потуги дедемократизации достичь своих целей? Тоже нет.

Демократия соучастия не знает и не приемлет границы национальностей и государств. Современные демократии этим принципом пренебрегают и поэтому неизбежно скатываются в диктатуры.

Сталин вроде сказал: «Я всегда считал, что демократия — это власть народа, но вот товарищ Рузвельт мне доходчиво объяснил, что демократия — это власть американского народа». Как раз сегодня становится всё очевиднее, что общества, отменяющие право на государственной границе и признающие во вне только врагов и вассалов, нежизнеспособны, как в своё время был и Рим.

С развитием духовного, отграничение и замыкание в себе становится всё большим анахронизмом. Истинная демократия возможна только как демократия всего человечества. Предпосылкой для этого является не насаживания какого-то порядка по правилам «сильного», а суверенитет участников. Но суверенитет личностей не может быть там, где пренебрегается суверенитет их объединений. Да, Рим был продвинутое варварских племён. Но именно пренебрежение варварских интересов привело к его упадку.

Всеобщая демократия вырастет из суверенных демократий и сообществ, а не из искусственных установок и постановок навроде Европейского парламента или (пока ещё тeneвых) Мировых правительств. Не благие намерения приведут её к власти, а силы, которые она высвобождает за счёт **привлечения к самостоятельному (а не подчинённому) соучастию и взаимному продвижению.**

Поехали

Если демократия непобедима, а уязвимы лишь незрелые её формы, почему вся история пестрит периодами расцвета и увядания демократических начал? Почему не наблюдается последовательное расширение и совершенствование демократий?

Дело не в слабостях и уязвимости демократий перед автократиями. Как раз наоборот! Но мы слишком много ожидаем от безвольных инструментов, одним из которых является и она. Жизнь — это развитие, демократия — отражение уровня соучастия в нём. Там, где развитие застопоривается и не знает как дальше, демократия, по сути, упраздняется за ненужностью, оставаясь, по форме, вроде бы неизменной.

Во времена безграничных ресурсов, например при осваивании малонаселённого континента (Америки), при распространении по земному шару новых хозяйственных основ (например огня, обработки каменных орудий, земледелия на ещё не занятых просторах), при росте производительности (за счёт нововведения машин, электрификации, автоматизации, компьютеризации) происходит быстрый рост, требующий как можно более широкого участия в нём различных людей и дарований. Соответственно перестраиваются общественные структуры. Каждый, кто этот рост усиливает — желанен, а его участие поощряется и приветствуется. Заинтересованность участников в совместном деянии велика, как и их положение в обществе. Демократия мобилизует все имеющиеся силы и направляет на возникающие задачи и вызовы. Как только границы роста достигнуты — картина меняется. Рост разбивается о преграды. На первое место выходит необходимость привести рост в соответствие с ресурсами. Специальных постановлений для этого не надо. Грызня всех против всех справляется с этой задачей автоматически.

В отсутствии роста, новое может прийти не ранее, чем старое освободит своё место, а значит, состарившись до того, как это новое встанет на ноги. Общество дряхлеет, впадает в деменцию,

государственность расшатывается. Инициатива, отрешение, самоотдача, энтузиазм отдельных личностей наказываются ходом вещей. Вместо того чтобы поощрять былые добродетели, общественность отвечает презрением на бесплодные потуги «самоотверженности». Затраты добродетелей растут при отсутствии мало мальской отдачи или вознаграждения. Подонки, тормозящие рост, наоборот снимают в тех же условиях сливки и оттесняют героев. Общество распадается на отдельные группы, пожирающие друг друга. Паразитизм расцветает. Поднимает одних до чванных вершин, других обрекает на прозябание или существование прислужников, а то и питательного планктона. На словах вроде всё остаётся как было, выборы протекают как раньше. В реальности демократия трансформируется в фашизм или дедемократизируется до различных степеней выборной диктатуры. В этих условиях ни строгие законы, ни освободительная борьба не могут принести облегчения. Восстание кроликов против их хозяина может окончиться не иначе, как на сковородке. Восстание крестьян тоже. Выйти из тупика позволяет только открытие новых источников роста. Их находят земледельцы, вводящие новшества, ремесленники в городах, первопроходцы на их путешествиях, предприниматели в мануфактурах, учёные в лабораториях. Здесь, в задействовании новых ресурсов и методов, происходит истинная битва за демократию, а не на полях брани, хотя на последних часто становится заметным сам перелом.

Демократия — это не столько форма организации сообщества (форму можно наполнить любым содержанием), а симптом и показатель общественного состояния. Уровень демократии (т.е. реального соучастия) наглядно показывает каждому, насколько общество находится на правильном пути, растёт и полно сил, напористости и здоровья. Демократию нельзя приказать, её можно достичь, только обеспечивая непрерывный рост общества.

Каким образом?

Рецептов тому бесконечное множество. Всё что расширяет человеческую деятельность, увеличивает объёмы ей подвластной

энергии, высвобождает духовные и телесные силы, увеличивает длительность жизни — одновременно усиливает демократию.

Что это значит в переводе на нынешнюю ситуацию, задымлённую заревами зарождающихся диктатур?

Единственный путь, непрерывно гарантирующий человечеству демократию — это путь к звёздам. Только в этом стремлении для развития человечества не предвидится преград. Средство необходимое для того — человеческое сознание и дух. Демократия — это ТРИУМФ ДУХА.

Сегодня о царстве духовного говорить не приходится. Очертания сияющего града на холме («Город солнца» = «La città del Sole») ещё не видимы на горизонте мироздания. Даже такая минимальная предпосылка духовности, как доступ каждого к плодам сознания и разума, блокируется повсеместным низменным правом на «интеллектуальную собственность» и банальной необходимостью выжить для большинства населения Земли. Движение жизни не ждёт и не живёт надеждами взгляда из тюремной камеры, как это делал Кампанелла, 30 лет притворяясь безумцем в застенках инквизиции, а стремится каждым своим шагом создавать условия для духовного развития человека.

Не грезить, а осуществлять необходимое, не когда-нибудь, а здесь и сейчас.

Для этого не нужно изобретать колесо, поначалу достаточно осмотреться на месте, к которому приговорила тебя судьба (каждое место, хорошее или плохое — это прежде всего уникальная возможность, даруемая только тебе и недоступное остальным) и начать созидать, насыщая старый мир новым смыслом.

Чем мы при этом собираемся руководствоваться описывает следующий раздел или «Основной закон» Движения жизни.

ОСНОВНОЙ ЗАКОН

Власть исходит от народа — прописная истина, стоящая в начале почти всех конституций. Только большинство понимает этот пункт превратно. Власть не даётся, как милость правителей холопам, хоть это власти и ох как хочется; не забирается, не завоёвывается или отстаивается народом, хоть он об этом часто грезит. **Власть исходит из осознанного порыва человечества к совершенству и растёт с развитием его жизненных сил.**

Много места в государственных конституциях уделяется определению соотношения высших органов как то: должности президента, канцлера; федерального или парламентского совета, верховного суда с избирателями и гражданами в сетях обязанностей и требований. Деталей много, посыл один. Личность обязана подчиняться указаниям этих инстанций в установленном конституцией порядке. С чего бы? — Вопрос к органам служб безопасности: полиции, армии, слежки, и не только к ним. Всё это правильно, но однобоко. Постараемся быть чётче.

Высший орган человечества — это осознание истины; только её инициативе принадлежит право отдавать приказы, а авторитету умения и познания координировать взаимодействие. Высшим судом над всем возвышаются совесть и личная ответственность, ищущая опору и поддержку у соратников.

Что это — общество без приказов, инструкций и средств принуждения, как у князя Кропоткина или народного «бича божьего» батки Махно? — *Бей белых, пока не покраснеют, а красных, пока не побелеют!* Склока всех против всех.

Нет!

Верховенство сознания, исторический опыт, совесть не наследуемы. Смена поколений возрождает невежество и биологическую предопределенность, путь от которой к сознанию тернист и далек. Не каждому суждено преуспеть на нем. Человечество же не может ждать, пока его детки дорастут, а обязано обеспечить свою работоспособность с тем, что есть в наличии. Органы, структуры, правила, описанные в конституциях и законах, чрезвычайно важны уже потому, что противодействуют никчёмности, одергивая и вразумляя недоучек силой традиций и права. Мудрость их уставов проверена долгой историей межчеловеческих отношений и обеспечивает преємственность там, где её прерывают неопытность, глупость и смерть.

Нужно быть предельно осторожным и максимально почтительным при внесении каких-либо поправок в законы, освященные исторической бытностью существующих сообществ. Тем не менее ни закон, ни принуждение опытом прошлого не являются, да и не могут быть высшей инстанцией для тех, кто осознал лучшее.

Духовное находит последователей, строит и действует там, где ограниченность ничего не видит, а бездарность не может помешать. С сомнением всё иначе. Оно выставляет себя либо шутком, либо жертвой, либо молохом и делает это у всех на виду.

~ III ~

ЦЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Самая обширная часть любой конституции — это описание целей и обязанностей. Всех целей движения жизни не назовешь, да и их число со временем будет только расти. Попробуем перечислить наиболее важные.

— Утверждение

Закладка обжитых островков повсюду, куда доберётся человеческое стремление, от хижины в первозданном лесу до межпланетарной станции на кольцах Сатурна. Превращение пустошей и пустынь в оазисы, разбросанные между Марианской впадины и отдаленными галактиками. Возведение баз на дальних границах Мироздания, придвигающих нас к неизбежному броску к бескрайности звёзд.

— Поддержка всего живого

Раскрытие богатств эволюции, сосредоточенных в нашем теле, но ещё не обнаруженных и не задействованных. Приращение полноты и длительности жизни. Ценной и неполноценной жизни не бывает. Всё живущее — итог миллиардов лет эволюции и уже тем самым достаточное освидетельствование того, что оно достойно жить. Даже если существо «уродливо», болеет и мучается, но всё же борется за жизнь, значит в нём что-то есть, чтобы противостоять напасти и преодолевать ограничения физического мира, а потому важное для остальных.

Равенство — ничто; взаимодополнение возможностей и сил — всё. **Важно поддерживать и ободрять жизнь в её стремлении перерасти себя, сбросив путы физических ограничений.**

Кто и что бы, на каком пути ни достиг для себя, достигает это одновременно и для всего живого.

Но ведь таким образом мы порою множим лишения и страдания! Потери — разменная монета стремлений, их следует уважать не меньше жизнеутверждения. Каждый волен сам решать, куда идти, когда и чем пренебречь. Отказ, зачастую, всего лишь решение оставить громоздкое, чтобы подняться ещё выше. Не нам судить, что для каждого важнее. Жизнь вечна. Сон и смерть — это всего лишь полезные паузы сознания.

— Совершенствование

Утончение чувств, развитие ловкости, выносливости, поиск новых переживаний и опыта. Да чего ещё не скажешь в этой связи! Возможности совершенствования неисчерпаемы, границы необозримы. Вроде, после пяти миллиардов лет эволюции в наше тело можно мало что внести революционного и принципиально отличного от былого. Но вот приходит неизвестный из глуши, танцует на коньках, летает на лыжах, кувыркается на кольцах, оседлывает серфингом волны, парит в аэродинамической трубе и доселе невиданным образом изменяет наше представление о том, на что наше тело способно. Люди пишут картины, используя для этого, вместо красок: камни, ткани, растения и даже потоки воды, песка и ветров. Они перекраивают города и пейзажи и проникают в тайны мироздания, обнаруживая в себе и вокруг невероятное, как будто только для этого и созданы. **Человечество рождено не для того, чтобы сохранять и эксплуатировать доступное до упада, а чтобы предвосхищать и воплощать светлое будущее — чтобы и на Марсе яблони цвели.** Движение жизни должно воодушевлять каждого независимо от возраста и его телесных предпосылок стать лучше, богаче, дальновиднее, а не позволять использовать себя, как отходной материал.

— Одухотворение

Совместное осмысление, то есть СО-ЗНАНИЕ человечества, стало с его возникновением глашатаем и выразителем всей духовной жизни. Пока ещё неумело и неохотно, но уже неизбежно целью сознания становится — продвижение всего того, что служит взаимному

оплодотворению на генетическом, культурном и социальном уровне. **Ради одухотворения, человечество должно обеспечить максимальную открытость и доступность письменных, визуальных и звуковых свидетельств, везде и для всех. Всё выраженное общечеловеческим языком является достижением человечества; свобода распространения и доступа к нему — наиважнейшие задачи и обязанность любой власти.** Язык творчества не признаёт авторских прав, привилегий сословий и национальностей. **Никакое мнение не может запрещать иные воззрения, вместо этого оно должно подавать пример и доказывать превосходство, воплощая свои творения и доказывая этим свою правоту. В свою очередь, тех, кто стремится к знаниям и истине, нельзя урезать в этом, о каких бы истинах ни шла речь.**

Ростовщики скупают хлеб во время нужды, придерживают его, взвинчивают цену и, благодаря этому, обогащаются. Ростовщик не ухаживал за полем, не создавал инструменты, не собирал, не хранил, не доставлял, не обрабатывал, не производил и не продавал зерно, а использовал голод других людей. Он сеял ненависть, которая его и уничтожит. То же самое происходит и с содержанием. Содержание является хлебом насущным, воздухом для сознания. Только вот потребность в знаниях, иначе чем в хлебе — неутолима и всегда велика.

Признание авторских прав, запрещающих «неавторизованное» (а тем более кем-то другим запатентованное) распространение, допустимо только в том случае, если оно гарантирует более высокое качество и ограничено платными формами воспроизведения и распространения.

Всё осмысленное имеет право на безвозмездное воспроизведение и распространение и ограничениям не подлежит. Кто бесплатно копирует и распространяет знание уже сполна выполнил свой долг перед автором и достоин похвалы, а не порицания!

Только получение неавторизованной выгоды запрещено.

Законы, мешающие распространению осознанного, ничтожны,

чем бы они не прикрывались, включая правила цитирования. Пусть каждый списывает и подписывает, что ему угодно. Труды будущих составных «Писаний» (Тора, Библия, Коран и прочие компиляции — полнейший плагиат предыдущего), а также именных заимствователей чужого навроде Тацита, Шекспира, Гримов, Бальзака, Брехта, Толстова или Волокова только выиграют от этого и неимоверно обогатят всех. Противящиеся безвозмездному распространению света знаний, закливающиеся на их «личном вкладе», заслуживают того, на чём они настаивают — тьмы забвения.

— Созидание

Первопроходцы штурмуют дали, лежащие за горизонтом познанного, изобретатели проектируют для них инструменты и корабли, энциклопедисты объединяют разрозненные свидетельства, не выходя из комнаты. Наброски позволяют преемникам подготовиться и расширить радиус действия. Куда бы мы ни отправились: к чужим континентам, другим планетам или внутрь клетки, в ядро атома или земного шара, цель любой экспедиции — не собрание (новое невозможно втиснуть в рамки обычного), а созидание доселе небывалого. Созидание не просто описывает то, для чего в предыдущем не было даже названий, изобретая вычурные понятия и формулы. Творчество прокладывает дороги, создаёт жизненные пространства и пользуется для их описания обыкновеннейшими из слов навроде: иди, смотри, бери.

Человечеству, вместо бессмысленных подсиживаний и толкотни, открываются безграничные перспективы для совершенствования и роста. В них, товарищество и взаимодействие получают абсолютное преимущество перед так лелеемыми ранее — вытеснении, порабощении и истреблении.

Созидание, поскольку речь идёт о неизведанном, нельзя купить или приказать. Его можно только поощрять, стимулируя способности и устраняя препятствия. Прошлое будущему не судья, а костёр инквизиции.

Всё «не запрещённое» — разрешено без оговорок, позволение к поиску нового у самопровозглашенных комиссий по этике, хорошему тону или политической корректности претит званию человека. Эврика — высшее из его чувств и неотъемлемое из прав. Любое вмешательство в познание незаконно.

— Суверенность личности и её союзов

Цели ложатся на плечи тех, кто их разделяет. Свобода образования союзов и движения между ними — краеугольный камень духовной жизни. При несоответствии деятельности союза с представлениями части или отдельных его членов, никакие препятствия не должны им мешать выйти и искать новых товарищей и союзов.

Человечество обязано гарантировать и облегчать эту подвижность:

- *защитой личных прав,*
- *материальной поддержкой в ходе поиска своего призвания,*
- *финансовыми программами, направленными на продление длительности и продуктивности жизни,*
- *максимальным сокращением необходимого для личной независимости (еда, жилище, доступ к информации), наёмного, т.е. подневольного, труда,*
- *разрушением всех преград (дипломы, титулы, степени, свидетельства), препятствующих доступу к специальному образованию и вольноопределяющейся профессиональной деятельности, независимо от возраста и телесных качеств.*

Важно создание общества, в котором значимы навыки и взаимодополнение, а не сертификаты.

— Свобода

Свобода — это не столько право и позволение, сколько объём реально возможного, достигнутого человечеством и каждым человеком в отдельности. Наше движение жизни служит свободе и подчиняется только её продвижению.

Не верь уверениям, не подкрепленным делом; не бойся шантажа ни непредвиденным, ни злонамеренным, не проси поблажек = **«Не верь, не бойся, не проси. — Созидай!»**

ЛЮДИ БУДУЩЕГО

Сознание бросает в каждого из нас семя миротворца. В одних — стремление улучшить мир взойдёт и вырастет до желания украсить свой сад, квартиру, дом; в других — разожжёт страсть градо- или ракетостроителя. Зачатки и ростки можно найти, как у бомжа, так и у президента. Каждому свойственно мечтать о лучшем мире и думать, как исправить сегодняшний.

Каковы желания, таковы и рецепты. Кто сам не может, пытается навязать «лучшее» другим. Ради надуманных идеалов счастья, равенства, свободы, первозданной природы люди всегда были готовы бороться и страдать, а также принуждать безразличных, наказывать неисправимых, казнить противящихся.

Не жизнь, а жертвы — свои или чужие, освящали мнимую «возвышенность» их целей. Человечество перепробовало для этого много броских схем и фраз. Жертвы вели к мести, закручиваясь в торнадо смерти. Виновными были всегда другие, почему-то не желающие в предписанный рай.

Всегда был и иной подход, не менее интуитивный. Там тоже грезили, искали и создавали новый мир, но делали это не чужими, а своими руками. Давайте помечтаем с этими создателями и начнем с того, каким мы видим этого будущего человека.

Должен ли он быть менее прихотливым, законопослушным, серьёзным, осмотрительным, довольным плодами верховных распределителей межлюдских благ? «Господи» избави! Наши цели совершенно противоположны.

Мы стремимся к человеку:

- живущему не 5–10 десятилетий, а столетия и тысячелетия;
- человеку, распоряжающемуся не какими-то там тысячами мегаватт, а триллионами и более мегаватт энергии;
- человеку, чья жизнь и работа совершается не взаперти десятков метров жилища или бюро, а в далях мироздания без каких-либо иных ограничений, чем его собственная целеустремленность и способности.

Для претворения этих целей бессмысленны насилие и принуждение, уговоры, постановления, гиммлеровское выращивание рас, классовые, расовые, гендерные сегрегации или наоборот «поощряющие» число, а не умение квоты. **Для этих целей каждый должен начинать с себя, дерзая, достигая, доказывая и показывая, как лучше, дольше, свободнее и полнее жить.**

Альтернатив самосовершенствованию нет. Кто с пеною у рта доказывает «свою» правоту и первенство, ничего, собственно, не представляя, ворует только и без того драгоценное время.

ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Творение, как и всё зарождающееся, уязвимо и нуждается в месте сосредоточения. Религия выдумала для этого слово дом (собор, приход, храм). Стоит ли человечеству искать иного имени для мастерских созидания, чем «Дом Человечества».

Дом Человечества — это гнездо, детский сад, дворец пионеров, ателье энтузиастов-новаторов, лаборатория учёных и мудрецов, горящих, вдохновленных, но ещё не родивших свои шедевры. Каждый зарождающийся творец здесь находит помощь, убежище для уединения и для общения с товарищами и мастерами. Где расположить это пространство?

У Дома Человечества нет прописки. Он там, где сознание празднует встречу единомыслия, поддерживая и поощряя созидательный порыв.

Со временем отдельные, тут и там возникшие Дома Человечества прирастут своими формами организации и сосредоточения средств. — Какими в частности? — Зависит от лепты каждого.

Звезда пленительного счастья

Дом Человечества — неплохое имя для обители Движения жизни. Но каким символом выразить его?

Символы вроде не так уж и обязательны и всё же важны. Сегодня без символа не оформить и интернет-страницу.

Примем пока звезду, сияющую над контуром дома, за символ движения. Всё-таки человечество — наш общий дом, а звёзды заветная цель. Несмотря на все ещё так жёстко подчеркиваемые различия и раздуваемую непримиримость, мы все ходим под звёздами и одинаково далеки от них, как бы высоко отдельные из нас и ни вознеслись бы. Звёзды украшают флаги СССР (моей неизменной родины), Китая, США и ЕС. Но нам, звезда желанна не для украшения, а как маяк надежды, цели и пути.

Цвет звезды пусть выбирает каждый в зависимости от языка, традиций и страны: чёрный, как бесконечность ночного неба, красный, как предвосхищение рассвета, жёлтый, как солнце, синий, как океан, белый, как Млечный Путь на фоне полночного неба, зеленый, как жизнь. Все цвета прекрасны.

Гори, гори наша звезда — мы на пути к тебе!

